

Глава 8. Дефолт

Но этот учебник мы больше читать не стали. У Ирины Васильевны забрали наш класс. Группа родителей во главе с председательницей комитета написала коллективную жалобу директору, где говорилось, что учитель Нестерова проводит религиозную пропаганду. Две недели русского не было, а потом нам поставили молоденькую выпускницу педуниверситета, которая, как водится, полгода мучилась с нашим классом, прежде чем установила какой-никакой порядок.

— И что уж убрали эту Ирину?— сетовала моя мама.— Какой она большой вред нанесла? Хоть русскому толково учила.

Сердце у меня сжималось каждый раз, когда я видела Ирину Васильевну в коридорах школы. Она всегда ласково спрашивала меня, как я живу, а я не могла ответить ей ничего, кроме банального «нормально»,— слишком многое мне хотелось ей сказать, а для этого не было ни времени, ни возможностей.

После пятого класса я съездила на две недели в тёти-Любину деревню, потом отдохнула в лагере. Последний месяц лета девяносто восьмого года назвали чёрным августом: разразился масштабный кризис. Доллар, который раньше стоил только шесть рублей и двадцать копеек, за три недели подскочил в цене аж до двадцати одного рубля. По телевизору то и дело говорящие головы объясняли народу, почему и как получился подобный скачок. Я, разумеется, ничегошеньки в этих объяснениях не смыслила, да и мама навряд ли много понимала. Ясно было одно: зарплата, которую только-только начали платить регулярно, уменьшилась больше чем наполовину.

— Дефолт!— повторяла мама иностранное слово, которым называли в телевизоре всё происходящее.— Всё обесценилось.

Как я понимаю сейчас, до девяносто восьмого года курс рубля искусственно удерживался, а потом ставки по государственным обязательствам и по кредитам стали быстро расти, и удержать его уже не было возможности. С девяносто третьего года власти обещали, что вот-вот наступит сытая жизнь, но оказалось, что вся их экономическая политика вела к краху. Правда, народ этому

не удивился. После дефолта социологи задавали людям вопрос: «Бойтесь ли вы потерять нажитое вами и вашей семьёй?»— и большинство ответило, что ничего не боятся, потому что терять им нечего.

Рубль девальвировался, с купюр убрали нули, и цены в мгновение ока сделались маленькими. Шариковая ручка, которая стоила раньше три тысячи рублей, стала продаваться всего за трёхку. На ценниках так и писали: старая цена— столько-то, новая цена— столько. В течение года в ходу были и старые деньги— тысячные и миллионные купюры, и новые— красивые, с двуглавым орлом на монетках. Кроме новеньких денег, хорошего в этом дефолте случилось то, что в магазинах стали потихоньку появляться наши, российские товары: импортные сделались совсем уж дорогими, и закупать их стало невыгодно.

Мы с Дашкой решили завести общую копилку и откладывали понемногу со школьных обедов, с любой мелочи, которую родители выдавали нам на расходы.

— Храните деньги в банке,— смеясь, повторяла Даша слова из рекламы, показывая нашу копилку— жестяную банку из-под «Нескафе».

Мы решили, что два раза в год (в конце декабря и первого июня) будем устраивать «пиршество»— закупаться вкусностями и праздновать приход нового года и начало лета. Остальные деньги Даша планировала тратить на бисер и леску для плетения фенечек (так называли браслетики из бисера), а я— на пластилин.

Кроме папы и мамы, у Даши в квартире жил ещё дядя Петя— мамин брат, приехавший из Узбекистана. Этот самый дядя свалился на них в конце пятого класса как снег на голову, объяснив своё прибытие тем, что в бывших союзных республиках русским стало житья несладко.

— Угнетали мы их, слышь!— объяснял дядя Петя.— В Великую Отечественную эвакуировали туда наших, так наши им институты, школы, дороги, каналы, метро— всё построили. Хорошие были. А теперь мало того, что денег нет, так ещё русские— оккупанты.

— Да что ты, Петя?!— возмущённо качала головой Дашина мама.— Воевали же с ними вместе... Братья и сёстры были. Ну нормальные-то есть!?

— Нормальные-то есть, да что толку? Ненормальные житья не дают. Я вот подумал-подумал — и к вам. Поживу полгода, потом укачу в Москву-матушку...

Но через полгода дядя Петя никуда не уехал. Наоборот, он затребовал у своей сестры отдельную комнату, и Дашке пришлось почти до самого конца школы жить в «зале» вместе с родителями. Он выпивал, и однажды, крепко приняв на грудь, в коридоре принял меня за мальчишку:

— А кто это, Дарья? Фраер твой?

Я была одета в чёрную прорезиненную куртку, на голове — мужская вязаная шапка, оставшаяся от двоюродного брата, на ногах — тяжёлые ботинки. Дашка засмеялась:

— Это не фраер, это Ленка!

Дяди-Петину душу терзала печаль, и он не единожды требовал от нас праздника. Мы решили внять его просьбам и к лету приготовили концерт: пели советские песни, плясали придуманные моей подружкой танцы под музыку из громдого проигрывателя и даже продемонстрировали сваренное своими руками мыло. У Дашиного отца была книжка «Занимательная химия», по которой мы понемножку колдовали, изготавливая мыло, сальные свечи, «хрустальные» мыльные пузыри, бирюзовые кристаллы медного купороса и прочие удивительные вещи. Дяде Пете концерт понравился, он обнимал и племянку, и меня и обещал вскоре раздобыть для нас «вот такую гору шоколада»!

Шоколад он и правда принёс через время: устроился наладчиком оборудования на кондитерскую фабрику «Краскон» и в первый же день своей работы похвастался принесённым со службы куском сладости. Дашка рассказывала мне, что дядя шутя хлопал по плечам её родителей и хвастался: — Не плачь, дед, не плачь, баба! Вы меня не зря к себе поселили, я вам снесу яичко золотое. Во какое! С конвейера. Глыба!

Куски шоколада, иногда ещё и пастилы дядя Петя носил с фабрики регулярно и говорил, что заслужил сладкую жизнь за горькие годы своих мытарств и тяжкой работы на неблагодарное государство и зажавшихся олигархов. Я ела шоколад вместе с Дашкой, но благодарность к доброму дяде Пете у меня перемежалась с уколами совести: ведь сладости-то были как-никак украденные. Пусть у олигархов.

В начале шестого класса к нам поступили два новых мальчика. Одного из них я случайно увидела ещё летом, когда задержалась после переключки. Мама этого мальчика говорила директору: — Он у меня учится хорошо, особенно по гуманитарным предметам. Заводной, артистичный, в прошлой школе везде выступал... Смелый, за себя постоит, себя в обиду не даст.

— Зачисляем его в шестой «Б», — коротко ответила директор.

В классе мальчик появился не один, а со своим приятелем. Фамилия первого (того, которого расхваливала мама), оказалось Озерков, а второго — черноволосяго, коренастого, с толстым носом и крупными губами — Сбитный. В первый же день Озерков, облокотясь о спинку стула, со значением оглядел класс и неспешно проговорил:

— Привет честной братве.

Наши пацаны вяло поздоровались в ответ, а Озерков, ещё внимательней впиваясь в них глазами, стал расспрашивать:

— Что смотрите? Что слушаете?

— «Агату Кристи», «Несчастный случай», «Дельфина», «Ляпис», — отвечали наши.

Озерков одобрительно покивал, а потом всё тем же неспешным тоном спросил:

— «Куклы» смотрите? Где политики показывают?

Откашлявшись, он взъерошил причёску и заговорил голосом нашего президента Ельцина:

— Дорогие россияне! Поздравляю, понимаешь, вас с наступившим новым годом... учебным, так скть.

Чтоб у вас всё было в этом году как надо. В этой ситуации проводятся контроль, работа... Это я не фантазирую, понимаешь, это всё просчитано. — Здорово! — искренне посмеялась я. — Очень похоже, только он ещё смотрит так серьёзно, а потом вдруг улыбается.

Озерков посмотрел на меня с холодным удивлением, будто увидел вещь, которая мешается в проходе.

— Это кто у вас? — показал он кивком на меня, продолжая по-царски опираться на спинку стула.

— Это Ленка, — суетливо выдвинулся вперёд Стружкин. — Она так-то у нас ничё. Это щас она чё-то...

Презрительный холод на лице новенького сменился снисходительным выражением. Он медленно развернулся ко мне и проговорил нарочито ласковым тоном:

— Ты берега попутала, Лена. Я пока с пацанами разговариваю.

Кто-то засмеялся, а мне сделалось на редкость неприятно.

— Не лезь ты к этим пацанам и вообще не смотри, — посоветовала мне Даша.

Я уже и вправду помалкивала, но Озеркову явно не нравились ни я, ни мои приятельницы. Дашку он как-то обозвал «тощей шмарой», надо мной посмеялся за то, что я одета как бабка и ношу очки. Но хуже всего досталось Мустяце: он строил ей рожи, проходя мимо её парты, он будто случайно сталкивал Катькины вещи, а однажды (тоже будто ненароком) облил её пенал корректором. Своим родным Катька не жаловалась, потому что, как и я, с ранних лет усвоила, что у них полно других забот. Однажды для разбирательства пришла классная руководительница, но Озерков, ко всему прочему,

ещё и умел притворяться хорошим мальчиком: поклялся, что всё вышло совершенно случайно, и ему поверили.

Новенький злил меня всё больше, но раздражал не только он, но и одноклассники, которые не замечали глушости и жестокости его приколов, а наоборот, с каждым днём всё больше смортели на него как на чудо остроумия. Особенно мальчишки, и Вовка, к сожалению для меня, не был исключением. Озерков сыпал шуточками, изображал не только Ельцина, но и наших учителей, рассказывал стишок про доброго киллера Ойубита, переиначил песню «Калинка» на «Кокаинка», и у него никогда не было отбою от слушателей. Котляренко даже купил себе такую же точно джинсовую рубашку, как у его кумира, пытался разговаривать как он и поддерживал каждую очередную шуточку новенького или его суждение о ком-нибудь:

— Мои нервы! В натуре так!

Озерков довольно хмыкал в ответ на все восторги. При учителях он умел быть серьёзным; впрочем, заскучав, мог и на уроке выдать что-нибудь — прилечь на стулья или задать дурацкий вопрос. Из всех учителей он больше всего портил кровь молодой литераторше и трудовику по прозвищу Иван Стаканыч. Но никогда не трогал географа Илью Валерьевича, серьёзного, очень начитанного человека, влюблённого в свой предмет. Илья Валерьевич как-то быстро понял для себя сущность Озеркова, не реагировал ни на какие его подколы, а на его «оруженосца», махрового троечника Сбитного, и вовсе смотрел с недоумением.

Среди девочек продолжали верховодить Вика с Дианой, но для пацанов новенький быстро стал безусловным законодателем мод. С некоторых пор именно Озерков стал решать, кто у нас в классе «крутой», кто «стрёмный», что полагается слушать и смотреть и вообще как себя «вести по жизни». Вовка почти совсем перестал со мной общаться, ничего больше не рассказывал, и до меня только доходили слухи, что пацаны после школы собираются на какие-то «сходки», что-то обсуждают, делают, решают...

А то, что случилось дальше, я не смогла бы увидеть и в страшном сне. Однажды в феврале я пришла в школу почти под самый звонок и обнаружила, что наша с Вовкой парта разделена жирной чёрной линией ровно напополам. Не успела я задать вопрос, как будто из-под земли передо мной вырос Вовка и бесперерывно, как по-заученному, стал орать:

— Ты! Вот твоя половина, вот моя половина парты! Чтобы не заходила на мою половину никогда, слышь, кобыла?!

Я замерла от ужаса. Оглушительно протрещал звонок, начался урок естествознания. Все сорок минут я просидела в оцепенении, с трудом

улавливая, что говорит учительница. Я надеялась, что на следующей перемене всё пройдёт, и Вовкины слова впрямь покажутся дурным сном.

Но на следующей перемене стало только хуже. Стоило мне только сделать к нему малейшее движение рукой, как Вовка хрипло закричал:

— Не трогай никогда мои вещи и меня не трогай! Поняла, жаба?!

У меня зазвенело в ушах. Откуда-то сбоку послышался насмешливый говорок Озеркова:

— Что уж ты так с ней, брателло? Подруга же твоя была раньше.

— Вот именно, р-раньше,— выверился Вовка, скаля зубы.

Я хотела назвать его по имени и, кажется, шевелила губами, но голос у меня пропал, и до слуха только донеслись страшные слова:

— Она мне никто.

Не ожидая от себя, я взревела, как раненый зверь, и, схватив портфель в охапку, унеслась в коридор. Там меня поймали Даша с Катькой, заволокли в раздевалку. Я не хотела переодеваться на физкультуру и, обхватив колени, сидела на лавке и плакала. Было почему-то холодно.

— Ты что, на урок надо идти, а то классная будет ругаться! — переживала Дашка.

Неожиданное сочувствие ко мне проявили рыжая Сонька и Диана, верные подруги Вики Иваницкой.

— Козлы они все! Я давно говорю — козлы! — трясла кудрями Сонька. — Шевырёву отольются ещё твои слёзы. Знаешь, как сестра у меня говорит?! «Девушка плачет, а парень смеётся — плюнь ему в рожу, пусть захлебнётся!»

— Правильно! Слать их надо подальше! Нечего плакать! — проявила женскую солидарность Диана.

На физре я бродила по залу как сомнамбула, в голову мне прилетел мяч — хорошо хоть, что не баскетбольный, а футбольный, и остаток урока я провела, сидя на скамейке.

После урока я кое-как покидала свои вещи в сумку и, спустившись в подвал, где у нас была раздевалка, забрала свой пуховик.

К чему мне было оставаться в школе? К чему было дальше вообще всё?

На полпути я почувствовала, что у меня мёрзнут ноги, и поняла, что забыла переобуться — вышла на улицу в туфлях. Но возвращаться не стала.

Дома я скинула пуховик на пол, расплела за чем-то волосы и, оставшись в одной блузке и юбке, вышла на кухонный балкон.

Остеклённые лоджии тогда только начали появляться. Я свесилась вниз до пояса. Обожгли холодом перила. Дышать вдруг стало легко. Мало того, мной овладело какое-то глупое, беспричинное веселье. Казалось, что я могу легко ступить ногами на перила, раскинуть руки — и полететь. Лететь, лететь по всему городу, свободная, как птица.

Я приподнялась на руках и вдруг почувствовала внезапную тупую боль в затылке, будто меня ударили чем-то по голове. Боль была такой неожиданной, что я даже обернулась. Никого рядом, естественно, не было, но перед глазами поплыли фиолетовые и желтоватые пятна.

«Это давление, — вспомнила я мамыны слова. — Давление у меня упало».

Я вернулась в кухню, свалилась на пол и сидела там долго. Мне уже было страшно вспомнить миг, когда я хотела ступить ногой на грязные холодные перила, но уйти, убежать, скрыться куда-нибудь от наступившего ужаса всё равно хотелось. Я вспомнила о своём отце, которого видела только на крохотной карточке два на три сантиметра. Где же он теперь?.. Что делает? Только и знаю о нём, что любил петь и рисовать, работал в секретном цехе — а потом взял и исчез. Испарился. Может, он и не человек вовсе, а?.. Точно, точно — не человек. Он как чародей, только временно с людьми. Как шёлки из английских сказок: они превращаются в человека, женятся или выходят замуж, а потом настанет время — и пора им назад, в родную стихию. Да, да... Вот он и ушёл. Оставил мать и меня.

Но если так, значит, и я не совсем человек. Только наполовину. Вот не зря же я рассказываю сказки, пою песни... Я сама как дева озера из шотландской легенды. Она жила, жила с людьми, родила трёх сыновей — и назад в озеро, холодное, чистое... Уйду я, уйду отсюда, найду отца и буду с ним. Человеком быть трудно — слишком много боли.

Сердце моё грызла тоска. До прихода мамы я так и не заставила себя переодеться, а тем более разогреть еду и сделать уроки. Она отругала меня, естественно, списав моё бездействие на обыкновенную лень. Я не планировала ничего ей рассказывать, памятуя, как тётя Тома говорила, что у матери и так трудная жизнь, нечего её тревожить. Но после какого-то совершенно невинного замечания, сказанного мамой, я будто на пустом месте разревелась, и родительнице пришлось спросить: — Что это с тобой?!

Плача, я объяснила, что Вовка стал ни с того ни с сего обзывать меня, выгонять из-за парты. Мама схватилась за телефон, позвонила Шевырёвым. Мне было слышно, как Вовкина мать громко возмущалась и говорила: — Я его, поганца!

Моя мама пыталась объяснить ситуацию: — Они с Леной долго были вместе, но, может, Вове сейчас понравилась другая девочка? Может, он больше просто не хочет сидеть с Леной?

При слове «другая девочка» я разразилась истерическим хохотом. Мама недоумённо посмотрела на меня из коридора и сделала отмашку рукой: мол, тише.

Закончив разговор, она медленно положила трубку и сочувственно сказала мне:

— Никчёмный у тебя оказался друг. Я ведь тебе всегда говорила: с кем ты связалась?.. Там сразу всё было понятно: двоечник, в восемь лет читать не умеет! Позорище. Ты тянись к людям повыше, а не к быдлу!

На следующий день Вовка выловил меня в закутке возле библиотеки и, всовывая истерзанную шоколадку, пробурчал:

— Извини...

Я не владела собой — из глаз опять полились слёзы.

Больше он не подходил ко мне. Впрочем, и не обзывал. Поразмыслив немного, я объяснила себе смысл произошедшего. В глазах Озеркова дружить с «девкой», да ещё такой «стрёмной», бедно одетой, как я, был полнейший зашвар, и он требовал от Вовки, чтобы тот откестился от меня публично. И Володя пошёл на эти условия, наверное, боясь, что в ином случае его и самого будут обзывать «чмошником». Ведь он тоже одевался очень просто, учился плохо и к тому же роста был невеликого.

Моих кукол мама ещё осенью убрала в сундук на балкон — в шестом классе возиться с куклами, конечно, считалось уже стыдно. Однако теперь мне до боли захотелось обнять кого-нибудь из своей кукольной семьи. Кое-как добравшись до сундука, я приподняла тяжёлую крышку и вытащила первую попавшуюся — Надю. Прижав её к груди, я изливала ей душу и осыпала поцелуями её жёсткие соломенного цвета волосы.

С того случая прошло около двух недель. Когда в субботу я пришла из школы, ещё в коридоре услышала знакомый голос:

— В «зож» пишут — надо кипяток пить по утрам. То есть не кипяток, а «белый чай» — так женщина одна говорит. Именно горячую воду. Она помогает всем органам проснуться, настроение создаёт... — Тётя Тома! — не сдержав радости, закричала я.

Мне казалось, что её не было целую вечность. Я присела на порог балкона, глядя на то, как мама готовит обед, а тётя Тома пересказывает ей заметки из «зож» и порывается помочь.

Мы поели спагетти с томатным соусом и фри-кадельками.

— Любочка, вкуснотища! Обалдеть! — привычно нахваливает тётя Тома стряпню моей мамы.

И я соглашаюсь с ней, я хочу во всём с ней соглашаться.

Она опять рассказывает про какие-то методы оздоровления из газеты «зож», из книжек какого-то Синельникова, и мама слушает её вполуха, параллельно вытирая пыль с полок секретера. Потом они смотрят кино по второму каналу, пьют чай. И вот тётя Тома говорит:

— Ну, девочки, милые мои, поеду домой.

— Нет! — встрепенулась я. — Не уезжайте!

Мама хмуро взглянула на меня:

— Чего это ты?

Я вспомнила, как она говорила, что в эту субботу вечером собиралась сходить со мной в магазин «Резерв», чтобы там закупиться консервами и крупами. Но при одной мысли, что тётя Тома сейчас вот так возьмёт и уедет и я даже не сделала попытки остаться с ней, моё сердце разрывалось надвое.

— Ма-а-ам, отпусти меня,— взмолилась я.— Отпусти, а?

— А в «Резерв» я, значит, одна пойду?

Я клятвенно пообещала, что в магазин мы сходим завтра, в воскресенье вечером, что я могу даже одна сходить туда и принести хоть десять килограммов всякой еды.

— А уроки? — напомнила мама.

Я уже приготовилась смириться с тем, что из-за дурацких уроков мне всё равно придётся остаться дома, но тётя Тома сама поддержала меня:

— Пусть возьмёт пару предметов и у меня сделает. Я тут недавно рыбочек купила новых, неоновые тетры и моллинезии. Пускай посмотрит. Да плющ поглядит, плющ у меня по стене так разросся, как виноград!

Я возликовала и стала спешно напяливать джинсы, пока мама не передумала.

Тётя Тома накормила меня тушёной курицей и винегретом. Курица казалась мне совсем не вкусной, я отщипывала от неё кусочки белого мяса, оставляя скользкую кожу и хрящики в тарелке, и налегала на винегрет.

— Ты бы мяска поела,— советовала мне тётя Тома.— Растущему организму белок нужен. Вот на Севере я жила, там ведь только мясом и рыбой питаются.

— Рыба намного вкусней,— заметила я.

— Ой! Давай доедай, да пойдём рыбок смотреть,— вспомнила кстати тётя Тома.

Мы полюбовались на блестящих неонов и благородно-чёрных моллинезий, безмятежно проплывающих между яркими зелёными водорослями. Я сделала русский, походила по квартире, поиграла немного с кошкой Мурзой, но никак не могла решиться рассказать тёте Томе про Вовку. То мне чудилось, что у неё строгое лицо, то она была занята стиркой, то ей позвонила какая-то знакомая по телефону. Наконец, когда на часах было уже около девяти вечера, я подумала, что если я не расскажу сейчас, то не решусь вообще, и тогда получится, что ехала зря.

— Тётя Тома, помните моего друга... одноклассника?

— Володю?

От этого тайного имени у меня сжалось сердце. Прошло то время, когда я называла его так!

— Вовку,— поправила я.— Так вот, ещё осенью к нам в класс пришли новые мальчики...

Выслушав мою историю, тётя Тома горестно покачала головой и тихо выругалась:

— Вот идиот, чёрт побери его... Ты посмотри, что делает! Ты посмотри... Ни за что в грязь втоптал...

Я думала, что, заново вспоминая эту историю, опять заплачу, но плакать уже не хотелось. Тётя Тома продолжала сокрушаться, когда я неожиданно для себя перебила её вопросом:

— Главное, скажите мне: он что, всегда был предателем? Всегда только притворялся моим другом?

Тётя Тома уверенно покачала головой:

— Нет, нет. Это он по слабости сделал. Ваши эти новые мальчики по зоновским понятиям живут, уж я-то сразу поняла. Держись от них за три километра. А Вовка твой решил себе уважение купить— за счёт тебя. Через годик допетрит, что он идиот. Увидишь, он ещё придёт к тебе! Только ты с ним осторожно: слабый человек он оказался.

Я не совсем понимала тётю Тому и уточнила:

— Так, значит, он это нечаянно... со мной?

— Нет! Не нечаянно. По слабости. Ты его не жалей. Сам, сам поймёт. Человек иной раз делает, чего в душе и не хочет. Вот у меня...

Тётя Тома отошла к окну и замолчала на несколько секунд. Я больше не задавала ей вопросов, терпеливо ожидая, когда она снова заговорит. И она заговорила— непривычно короткими, рублеными фразами, выдававшими в ней волнение: — У меня человек был. В больнице лечила его. Это Федя когда уже умер. С пневмонией лежал, тяжело болел. Умереть бы мог. Я около него всё время. Так и стали вроде вместе. Он через год выходил... Говорит мне: старое брошу, семьёй будем. И пришёл ко мне. Месяц ничего. А потом...

По долгому вздоху тёти Тома я уже обо всём догадалась.

— Вот что ты скажешь— обманул он меня?

— Обманул.

— А может, и не обманул. Может, он и правда хотел по-другому зажить. Старое его назад протянуло. Грубый стал... Один раз ударил— я прямо села... Никогда с Федей я не думала, что мужик может руку поднимать. Потом извинился, а через несколько дней опять. Нет, думаю, это неладное житьё. Зачем и сходитьсь, если драться и ругаться?! Потом один раз прихожу домой, там записка: «Прости, Тома, прощай».

— И всё?!

— Хо-хо! Если бы всё. Золотых серёжек нет...

— Так больше и не появлялся?— поражённо спросила я.

— Ну, будем считать, что больше не появлялся,— туманно ответила тётя Тома.— Ты думаешь, они, парни-то, такие сильные? Хо-хо! Нет, у них свои слабости. Это понять надо.

— Угу,— кивнула я, чувствуя, как внутри распирает и мешает дышать какая-то тяжесть.

Тётя Тома, подруга дней моих суровых, погладила меня по голове и предложила развеяться: — Пошли в ларёкходим, купим «мишек» со сгущёнкой, чайку попьём. Почитаем ещё. У меня книжка есть, «Времена года», там стихи про природу. Когда мне плохо на душе бывает, я всегда их читаю вслух.

Когда мы только вышли из ларька с «мишками», похожими на современные «Барни», перед нами из фиолетовой темноты вырисовался какой-то лохматый мужик в рваной куртке и глухим голосом попросил:

— Дайте, пожалуйста, поесть.

Тётя Тома боком продвинулась мимо него, проворчала:

— Уйди, мил человек. Пенсии долго не будет, а зарплата и не ждём.

Лохматый мужик крикнул ей вслед:

— Пожалуйста, хлеба купите, самого дешёвого!

Тётя Тома вдруг остановилась и развернулась: — Не надо этот хлеб покупать. Мне женщина сказала, его в пекарне на Каче делают, а там крысы бегают. Вот лучше возьмите-ка...

Она вытащила из пакета три «мишки» и вложила их прохожему прямо в руки. Тот благодарно поклонился:

— Спасибо! Я ведь, знаете, раньше другим был... В институте работал.

— Все мы раньше были другими,—ответила со вздохом тётя Тома.

Дома мы почитали вслух стихи, попили чай. Потом тётя Тома приготовила мне постель, вытащив с полки мягкое пуховое одеяло. Я забралась под него и разомлела всем телом, чувствуя, как приходит исцеляющий сон.

— Тётя Тома, вы такая добрая,—сказала я.—Самая добрая на земле.

— Тоже мне, нашла добрую,—проворчала она.—Я сколько дел наворочала... Просто людей понять надо...

Она ещё походила по комнате, собирая разбросанные вещи, и проговорила уже скорее для себя, чем для меня:

— Понять-то надо, а простить нелегко. Видела я одну книжечку, там вот сказано о прощении... Синенькую... Автора не помню.

— Тётя Тома, спокойной ночи,—ласково сказала я вслух, а в уме подумала, что всегда буду её любить и никогда ничем не обижу.

Уже сквозь дрему мне чудилось, что она ходит в каком-то саду и ищет там книжку, и я засыпала успокоенной.

Глава 9. Перелом

Сентябрь девяносто девятого принёс нам страшные вести: за несколько дней в городах Буйнакске, Москве и Волгодонске от взрывов погибло больше трёхсот человек. В новостях говорили, что

дома взорвали кавказские боевики, которых профинансировали радикальные исламисты. Сюжет про теракт в Волгодонске мы смотрели вместе с тётей Любой. Мама плакала и говорила подруге: — До чего мы дошли! Живёшь и не знаешь: то ли тебя взорвут сегодня, то ли завтра... Что ни говори, в советское время не было такого страха! Не было в людях такой злобы! Это кем надо быть, чтобы в живых людей неповинных взрывчатку кидать! Чтоб их самих на куски разнесло, проклятых!

Тётя Люба поддерживала маму и добавляла: — Жалко, что Лебеда в девяносто шестом году не выбрали в президенты. Он военный, он бы порядок в стране навёл. Ну, зато к нам пришёл в губернаторы. Зарплаты вон стали платить.

— Лебеда твой—подставная утка!—не соглашалась мама.—К нам его из Москвы и прислали. Я после того, как Ельцин обещал, что на рельсы ляжет, если цены поднимутся, не верю уже никому и ничему... А ведь говорил перед выборами, что даст и то и сё!

— А что, ты за Ельцина голосовала?—спросила я.

Мама вытерла слёзы:

— Ну, в девяносто первом все за него голосовали. Говорили же, что коммунисты в прошлое тянут, к пустым полкам. А тут Ельцин—такой боевой, уверенный. Все за ним и пошли. Свободу обещал! Прямо сказочную жизнь!

Тётя Люба вздохнула:

— Ну, что-то ведь и дали нам. Ларьки, джинсы, телевидение, выезды за границу... В основном игрушки, конечно, всякие...

— Тамагочи, например,—добавила я.

С тамагочи—маленькой трёх- или четырёхнопочной коробочкой в виде яйца, на экране которой прыгал электронный питомец,—играли почти все мои одноклассники. Видя, как популярна эта штука, мама не однажды спрашивала меня, хочу ли я себе такую забаву, предлагала её купить. Но я не хотела. Правда, иногда смотрела, как возится с этим тамагочи Даша. Она выращивала то пёсика, то котика, то утёнка, то вовсе инопланетянина, питавшегося консервами. Тамагочи приходилось брать с собой в школу—оставленный без внимания на три-четыре часа питомец погибал от голода или жажды, а то и от скуки: виртуальную животинку надо было регулярно увеселять, играя с ней в мячик. Учителя в начале урока требовали убрать тамагочи в сумку, увещевали не носить их в школу и жаловались друг другу на то, что эта электронная зараза поглощает всё внимание детей. Бедные педагоги не знали, что оставалось всего несколько лет до повсеместного распространения сотовых телефонов.

Помимо тамагочи, Даша увлекалась бисероплетением и потихоньку приучила к этому занятию и меня. Я начала с маленьких браслетов-фенечек, потом сделала несколько игрушек на ёлку. Занятие бисером мама одобрила и даже хвалила меня:

— Вот-вот, занимайся. Может, какие украшения потом будешь продавать, бизнес откроешь. Главное, перерывы делай, давай глазам отдых.

Летом после шестого класса мы отправились с Дашей в «поход» через частный сектор Николаевки до железнодорожного вокзала. По дороге нам встретились козы, яблони с большими наливными яблоками, водонапорные колонки, босоногие смуглые дети. Оказалось, что буквально в одном километре от наших высоток жил своей жизнью совсем другой Красноярск. Это потрясло нас, и нам страшно захотелось узнать, какой же он — наш город. На сэкономленные деньги мы с Дарьей купили большую карту и подолгу изучали её, рассматривая все красноярские улицы, скверы, речушки, школы, переезды. У меня вызывало жадный интерес буквально всё. Даша, которая кое-где бывала вместе с отцом, говорила:

— Самое лучшее — это «Столбы». Ну, ещё Торшашино.

Было ещё кое-что, увлекавшее меня не меньше, чем путешествия. Как только я пошла в седьмой класс, мама принесла с работы книжку «Самый великий человек, который когда-либо жил», которую навязали ей сектанты-иеговисты.

— Привязались: возьмите да возьмите. На вот, хоть ты почитай, куда её девать? — отдала мне книжку родительница.

Я радостно схватила книжку и углубилась в чтение. Книжка рассказывала о жизни Иисуса, Божьего Сына, на земле. Я запоем проглотила главы о том, как смутилась Мария, узнав, что она родит от Духа Святого, о том, как Иисус в двенадцать лет учил в храме, как он был крещён Иоанном. В этой книге были прекрасные картинки, изображавшие самых разных библейских персонажей: и степенного Иосифа, и взволнованную Марию, и златокрылого архангела Гавриила, и сурового Предтечу Иоанна. Но чаще всего на картинках, разумеется, был нарисован сам Иисус. У него были добрые и немного печальные карие глаза, по которым можно было понять, что он знает о тебе всё, но не укоряет. Одетый в белый хитон и голубой гиматий, Иисус то беседовал с самарянкой, то отвечал на вопросы Никодима, то учил народ, сидя в лодке. Но особенно мне нравились две страницы. На одной Иисус был изображён вместе с ребёнком. Он придерживал мальчика за плечо и протягивал апостолам руку, говоря: «Будьте как это дитя!» На другой он разворачивал свиток, где было записаны слова пророка Исаии. Я перечитывала это пророчество много раз и быстро выучила наизусть. Его строки так и притягивали меня, заставляли повторять их снова и снова. Мне казалось, что я где-то слышала подобные слова: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушённых сердцем;

проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение; отпустить измученных на свободу; проповедовать лето Господне благоприятное».

Я выучила и другие цитаты из Библии, которых в книжке было много. Из всех учеников Господа мне больше других нравился апостол Пётр, который не боялся пойти по воде вслед за Иисусом. Я была горько поражена, когда в самом конце именно Пётр, который всегда показывал делами любовь к учителю, предал его. Мне было трудно поверить в это, но я успокоилась, когда прочитала, что Христос всё-таки простил Петра, когда воскрес, и опять стала думать: какой же он, этот удивительный Бог, который побеждает и злобу, и страх, и отчаяние, и саму смерть?! Но мне некого было об этом спросить.

Захваченная глубокомысленными размышлениями о жизни, в восьмом классе я совершенно запустила учёбу по всем точным предметам. По геометрии за вторую четверть мне поставили двойку. Узнав об этом, на помощь поспешила тётя Люба, которая за прошедшие годы, оказывается, ничуть не забыла школьную программу математики. Объясняла она хорошо, и скоро благодаря ей я стала время от времени получать по алгебре четвёрки. С геометрией дела улучшились ненамного. Я никак не могла представить, где по фигуре проходят линии, как они пересекаются и тем более каким образом можно всё это доказать.

— Ребёнок до двух лет должен ползать, на ощупь пробовать всё. А Ленка всё время взаперти сидела. Вот и получился у неё пространственный кретинизм, — объясняла тётя Люба маме мои неудачи в геометрии.

Помимо геометрии, на мою бедную голову свалилась ещё информатика. У большинства моих одноклассников уже был дома компьютер, и они, по крайней мере, знали, как его включать и выключать. Задание на первом уроке показалось мне лёгким — надо было набрасывать колечки на пирамидку, перебирать какие-то кубики. Но до конца урока я всё же не успела справиться, задержавшись на несколько минут на перемене.

— Ты же знаешь, как надо компьютер выключать? — спросила у меня учительница информатики.

— А то! Конечно, знаю, — ответила я и решительным движением сначала надавила на кнопку панели, а потом выдернула шнур из розетки.

В классе на тот момент осталось три-четыре человека, ставшие свидетелями моего позора. Сбитный долго не мог успокоиться, изображая, как я рванула шнур. Но я обратила внимание, что Вовка надо мной не смеялся, да и Стружкин с Богдановым смотрели сочувственно. И вообще, было похоже, что Озерков с его вечными шуточками им поднадоел. Вокруг него постоянно крутились трое пацанов, включая Котляренко, и вся эта

команда негласно стала считаться элитой, наравне с девчонками — Викой, Дианой и Сонькой.

Татьяна Петровна в седьмом классе стала вести ещё предмет «Обществознание». Подошла к нему она ещё более творчески, чем к истории: на одном из уроков разделила класс на группы, каждая из которых спустя неделю должна была представить выступление на тему «Наше будущее». Я попала в группу, где были спокойные, довольно пассивные ребята, ничем не выделявшиеся ни в учёбе, ни в чём-либо другом. Прошло уже три дня, а у нас не было даже намётки.

— Что делать будем? — беспокойно спросила я у одного из мальчишек, Димы Юмашева.

— Не знаю. Можно про «Формулу-1» что-нибудь придумать.

— При чём тут «Формула-1»? — не поняла я.

— Ну, что мы выросли и на неё попали.

— Это как-то тупо, — без обиняков сказала девочка Надя.

— А кто придумает умно? — резонно возразил Дима.

Видя, что, кроме меня, взяться за придумывание некому, я пообещала, что через день-другой сценарий будет готов. Но пообещать одно, а сделать — совсем другое. Увидев, что я слишком долго сижу за уроками, мама спросила:

— Что ты возишься?

Я рассказала о задании. Попеняв на Петровнину излишнюю креативность, мама, к моему удивлению, заявила, что мне поможет — придумает стихи. — Ты что, стихи умеешь писать? — не поверила я. — Я вообще-то в школе почти отличницей была, — не без гордости ответила мама. — Я про всех напишу хорошо, пусть у вас будет красивая жизнь!

Сценарий у неё оказался готов через сутки. Семь участников нашей группы встречались с классной руководительницей спустя несколько лет после выпускного. После дежурных похвал наставнице каждый рассказывал о том, как он сейчас живёт. Юмашева по сценарию приветствовали так:

«Девчонки, это же Юмашев Дима!»

Он отвечал нам:

«Конечно, я. Я только что из Рима.
Мы продаём оружие, картины,
Да местные всё время дышат в спину.
Но мафия, я думаю, поможет,
И конкурент мой быстро крылья сложит.»

Девочку Надю спрашивали:

«Ты, Надя, вышла замуж? За кого?»
«Вы помните Стрельцова Костю? За него!
Мы людям продаём авто в рассрочку,
Планируем открыть вторую точку.»

Я переименовала:

— «Мы продаём на Гордк просрочку...»

Мама строго взглянула на меня и продолжила:
— Про Машку вот я написала:

«А я закончила иняз
И часто вспоминаю вас.
Я переводчик в „Кока-Коле“,
А мужа звать Сеницын Коля.»

— Да она терпеть не может Сеницына, — сказала я. — Чего ты её к нему толкаешь?

— Может, он перспективным станет! И вообще, это же фантазия! А вот про тебя:

«Я путешествую по миру,
Вчера вернулась из Алжира.»

И девочки тебя спрашивают:

«А дети есть?»
«Да, маленькая дочка.
Ей скоро будет три годочка.»
«А кто отец?»
«Известный оперный певец.»

— «Из города Череповец, — опять не удержалась я от комментария. — Назад три года к нам заехал на гастроли...»

— Ты как папаша твой, язви его душу! Тоже всё подъеддыкивал меня, шутничок, блин, — рассердилась мама.

Ещё один мой одноклассник, по маминой мысли, должен был стать адвокатом. Он говорил про себя:

«А я юрфирмой управляю,
Неплохо в целом получаю.
Мы консультации даём,
Проводим сделки мы с жильём.»

— «И часто взятки мы берём», — тихонько пробурчала я про себя.

Мамины фантазии о красивой жизни не особенно понравились и моим одноклассникам. Юмашев ворчал, что он вообще будет строителем, Машка вместо Сеницына на ходу придумала некоего Козлова Толю, я горела со стыда, вещая про какого-то залётного певца, и только мальчишка, которому моя мама напророчила работу юриста, был полностью доволен. Я была благодарна родительнице за то, что она выручила нашу группу, но с облегчением выдохнула, когда всё закончилось.

В группе, куда вошли Даша и Вовка, все оделись старухами и дедами и, пытаясь шутить в стиле передачи «Новые русские бабки», ворчали на молодёжь. Получалось, честно говоря, так себе. Наша классная элита составила отдельную группу. Там все поголовно стали артистами и колесили по миру с гастролями, совсем как наши певцы в девяносто шестом году, когда призывали народ второй раз голосовать за Ельцина.

Но последняя, четвёртая, группа удивила всех. Сценарий там придумал тихий мальчик Игорь — тот самый, который всегда держался особняком и два года назад, в пятом классе, решил пригласить меня танцевать. Оказалось, что на Земле случилась настоящая экологическая катастрофа: не стало хватать чистой воды, загрязнился воздух, сократилась площадь лесов. Команда отважных экологов пришла на встречу к руководителю завода, чтобы убедить его сократить выбросы отходов в атмосферу.

«Вот это настоящее дело будущего! И Катька бы одобрила», — с восхищением подумала я.

Мустьца к тому времени уже ушла из нашей школы. После показанных по телевизору терактов, которые (по официальной версии) совершили кавказцы, её совсем затравили, к тому же её дед с матерью решили продать однокомнатную квартиру с хорошим ремонтом и купить «убитую», но «двушку» в другом районе, на окраине. Я скучала по подруге. Мы созванивались, и Катька, у которой в новом классе вроде бы всё складывалось хорошо, звала меня к себе. До Катькиной школы мне, разумеется, было бы слишком долго ехать. Но если бы даже она находилась близко, я бы не ушла: отчасти из-за того, что взяла себе жизненное правило никогда не покидать поля боя, отчасти из-за Дашки, да и, что скрывать, из-за Володи.

Я видела, что он иногда бросает на меня взгляды, и сама засматривалась на него, надеясь в глубине души, что он подойдёт ко мне, по-настоящему попросит прощения, и всё будет как было. Впрочем, я осознавала, что совсем как было уже не станет, потому что мы повзрослели, и отношения между нами никак не могут сделаться прежними. Но я была рада, когда Вовка снова стал спрашивать, пусть и на первый взгляд дежурно, как у меня дела, а в один прекрасный день попросил нарисовать какого-то героя аниме с длинным мечом в руках. Я согласилась сделать рисунок и очень старалась, копируя этого воинственного юношу с папки для документов. Вовка был восхищён рисунком, горячо благодарил меня и, как в былые времена, похвастался моим творчеством перед Стружкиным. А я смотрела на своего бывшего друга, на свой рисунок, лежащий у него на парте, и не знала, что мне теперь делать — простить до конца или осторожничать, радоваться открыто или притворяться равнодушной.

Сбитный с Озерковым высмеивали меня и Дашку за старую одежду; меня — в особенности за драповое пальто в клетку, которое отдали носить знакомые: другого пальто у мамы не было возможности купить. Утешало только то, что далеко не мы одни были предметом насмешек: попадать стало и нашей однокласснице Марине из-за угрей на лице, и пацанам, когда они проявляли себя «лохами», и даже учителям. Особенно много насмеялись над

нашей «англичанкой», пожилой преподавательницей со своеобразной манерой речи. Она задавала нам очень много, чему я, надо сказать, даже радовалась: наряду с тройками по химии, физике и математике, я получала пятёрки по русскому и иностранному языкам, и «англичанка», обычно скупая на похвалу, умилялась моим сочинениям.

Мама, которая в школе изучала немецкий, естественно, не могла помогать мне с уроками по английскому и французскому и поначалу немало удивлялась, что я, изучая эти предметы сама, так скажу по ним пятёрки. За тройки и двойки мама меня, разумеется, ругала.

— Что уж у тебя с математикой такая беда?! Садись и учи! Думай! — наставляла она меня.

Думала я много, да всё больше о своём — то о любви, то об ангелах, то о Древней Греции. Предметы моего размышления мало соотносились с точными науками, и к концу третьей четверти я обнаружила, что у меня выходит четыре итоговых тройки. При этом с мамой у нас был негласный уговор: не больше трёх троек за четверть.

Я заметалась, но сделать было, кажется, уже ничего нельзя. Мало того, у меня намечалась четвёрка по географии, хотя я рассчитывала на «пять». Географ Илья Валерьевич во всём был справедлив и баллы никому не завывшал.

— И у меня по химии тройка в этой четверти, — пожаловалась Дашка. — А папа хочет, чтобы я стала генным инженером. Вот бы можно было как-то исправить оценки!

Дашкины слова родили во мне крамольную мысль. А что, если как-нибудь выкрасть журнал и в самом деле... того?! Подрисовать Оле четвёрку, мне — пятёрку? Всего одну! Что от одной изменится?! Неужели кому-то станет хуже?! Нет! А лучше как раз будет: нас с Дашкой дома меньше станут ругать.

Мы выбрали ручку подходящего цвета, дождались момента, когда нам было доверено принести журнал в учительскую, и сели с ним в уголке напротив библиотеки, где обычно никто не ходил. — А может, фиг с ним? — неожиданно сказала Даша.

Но мне было жаль отступить от намеченного, и твёрдой рукой я подрисовала себе пятёрку, а подружке щедро подарила целых две оценки «четыре».

На перемене перед последним уроком географ подозвал меня к себе. Легко постукивая карандашом о журнал, он устремил взор в одну точку на странице, и этот пристальный взгляд не предвещал мне ничего хорошего.

— Ты разве делала сообщение по теме «Штаты Мексики»?

Я глупо разулыбалась и стала притворяться дурочкой:

— Ой, не помню... Уже давно это было...

— Не делала ты, — оборвал меня географ. — Назови-ка мне пять мексиканских штатов.

— М-мехико, — пробормотала я. — Ещё эта... Калифорния.

— Есть такая. Нижняя Калифорния, Северная и Южная. Ну а ещё?

Больше я не знала.

— Ты ещё что-то хочешь мне сказать?

Глаза у географа были почти как у Иисуса в книжке про самого великого человека: он всё знал, но не говорил прямо. Он чего-то ждал.

— Хочу, — самоубийственно ответила я.

Он выдержал паузу.

— И?

Я чувствовала, как немеют ноги. Мне уже не нужна была никакая пятёрка — лишь бы не стоять здесь, лишь бы не отвечать за то, что было сделано.

— Не могу, — выдохнула я.

— Понятно, — спокойно сказал он. — Садись, четыре тебе за четверть.

— Спасибо, — ответила я искренне, по-глупому радуясь неизвестно чему.

Дома, однако, радость моя поубавилась: к вечеру предстояло объясняться с мамой. Чтобы сбавить напряжение, я влезла на кушетку, собираясь, как в детские годы, вдоволь по ней поскакать. Однако из моей головы совершенно вылетело два факта: первый — что в детстве я прыгала всё-таки по более крепкому дивану, второй — что детство закончилось, и мои нынешние габариты навряд ли позволят хрупкой тахе остаться в живых.

Стоило только мне воспарить над бранным миром и опустить стопы на кровать, как раздался предательский хруст. Кушетка просела вниз. Откинув покрывало и матрас, я увидела глубокую трещину, разделявшую лист фанеры почти напополам. По сравнению с этим разрушением какая-то там четвёрка в четверти казалась сущей ерундой.

Я кинулась звонить Дашке:

— Дарья! Чем ремонтируют кровати?

— Не знаю, шурупам, наверное... У тебя есть шуруп? А что случилось? Шуруповёрт ещё нужен...

Я нашла у нас дома только гвозди и молоток и тщетно пыталась скрепить поломанную фанеру гвоздями: лист был слишком толстый, чтобы наложить одну часть на другую.

Наконец решение нашлось. Я аккуратно положила окончательно разделившиеся куски фанеры как они были и прикрыла всё матрасом. Вниз под кровать, аккуратно в то место, где пролежала трещина, я подложила стопку книг потолще: «Большой энциклопедический словарь», словарь Ожегова, серию книг «Что такое? Кто такой?». Эта солидная стопа хорошо подпирала койку. Я легла на кровать, поворочалась, присела. Всё держалось неплохо.

«Отлично, — подумала я. — Пока что и так сойдёт, а там что-нибудь придумаю».

Открыв мой дневник, мама, понятно, расстроилась, но чересчур кипятилась не стала, только в сердцах хлестнула меня пару раз мокрым полотенцем и горестно воскликнула:

— И что с тебя будет?!

Она ушла в магазин, а я осталась в томительном ожидании, размышляя, что бы можно было подложить на кровать вместо сломанной фанеры. Я вспомнила, что видела какую-то широкую доску возле пятого подъезда, и мгновенно выбежала на улицу, чтобы подтвердить свою догадку. Но доска была явно узкой и к тому же тяжёлой.

Одну ночь я спокойно прочевала на своей книжной подставке, а на следующий день мама заявила мне:

— Бери тряпку, хватит филонить. По крайней мере, полы ты должна научиться мыть. В восьмом-то классе!

Я стала прогитывать в комнате пыль, потом налила воду в ведро. Мама ходила за мною по следам и всё время указывала, что и как я делаю неправильно. От этих указаний душу у меня разрывала такая дикая тоска, что я несколько раз подумала: математика всё же куда интересней.

«Прямо со следующей четверти буду ходить на дополнительные занятия!» — пообещала я себе (и, кстати, сдержала обещание).

— Что это у тебя за мусор под кроватью? — проворчала мама, издали присматриваясь к моей стопке книжек. — Всё убрать!

Пришлось прямо при маме извлечь из-под тахты словари.

— По ночам ты их, что ли, читаешь?... — проворчала она. — Устроила склад. Была бы польза какая с твоего книгочейства.

В этот день мы прогенералили всю квартиру. К ночи я изрядно устала и думала, что удастся как-нибудь незаметно опять подложить под кушетку книжки, но мама не уходила из комнаты буквально ни на минуту.

— Иди в душ да ложись спать, — уже не ворчливым, а ласковым голосом сказала она.

Я думала, что хотя бы после душа смогу вернуть книжки, но мама ждала меня, сидя в кресле. Сердце у меня заныло. Я бестолково потопталась около кровати, всё ещё надеясь, что родительница отойдёт.

— Ложись, ложись, — сказала она мне.

Я аккуратно ступила ногой на нижний край тахты, левой рукой вцепилась в боковую деревянную стенку и, напрягая всё тело, легла. Чтобы не упасть, мне нужно было упираться в верхний край кровати головой, а в нижний — пальцами ног.

Мама взяла у окна стул со спинкой, села возле меня. Я не могла понять, чего она хочет.

— Как хорошо! — сказала она. — Наконец-то убрали всё, помыли. Даже воздух стал другой, чувствуешь? — Угу, — кивнула я.

— Свежо, хорошо... Я в твои годы вместе с сестрой уже весь дом убирала! А дом деревенский, три комнаты. Мы и кур кормили, и стайку чистили, и корову выгоняли. Про посуду я и не говорю! И тебе надо всё уметь. Раз учиться у тебя не получается...

В другое время я принялась бы спорить с мамой, но тут мне было совсем не до того, и я опять покорно кивнула, крепче цепляясь пальцами за боковушку тахты:

— Угу.

— Нас вот никто не учил. Деревня-матушка! Всё сами, всё сами. Ой, Лена!.. Ты думаешь—зачем я это тебе говорю? Да я ведь переживаю за тебя. О ком мне и думать, как не о тебе?! Чтоб у тебя жизнь не была на мою похожа. Я всё детство ходила в старом да перешитом. Подарки новогодние растягивали на месяц. Потом в город приехала, по всяким общагам, по чужим людям мыкалась. И всегда думала: вот когда у меня будут дети, я из кожи вон буду лезть, только чтобы у них лишняя конфетка, хорошая тряпочка была. И когда ты ходить начала, годика ещё не исполнилось, я вот смотрю на тебя и думаю: дай Бог ей счастливую жизнь, чтобы ни в чём не нуждаться, как сыр в масле кататься!..

— Так ты меня всегда любила?!—воскликнула я с недоумением.

— Конечно,—усмехнулась мама и потянулась ко мне.

Она положила руки на мои плечи. Я не смогла больше упираться головой в спинку кровати и судорожно продолжала цепляться за боковушку измождёнными от напряжения пальцами. Оставалась надежда на ноги, но тут ступню свела судорога, держаться стало совсем не за что, и я в мгновение рухнула на пол.

Мама среагировала на случившееся единственным неприличным словом.

Она простила меня сразу, да, кажется, и не обижалась вовсе, сказав, что эту кровать времён Хрущёва всё равно нужно было менять на новую, и даже посмеялась.

«Эх, мама! Почему ты раньше не была такой доброй?»—с невольной грустью подумала я.

Мне было трудно привыкнуть, что мать, похоже, решила относиться ко мне по-другому—то ли устала от тяжкого воспитательного труда, то ли стала признавать во мне взрослую. Я впервые услышала, что тембр её голоса очень похож на мой, и если я возьму телефонную трубку, посторонний человек вполне может подумать, что это мама.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь доброе, но я не знала, как это делается. Мать к тому времени устроилась на вторую подработку—уборщицей в небольшом строительном офисе, и все слова любви, которые я смогла подарить ей, заключались во фразе:

— Хочешь, я всегда с тобой буду в офис ходить?

Мама приняла моё предложение, сказав, правда, что всегда ходить не обязательно, только когда уроков будут задавать не очень много.

Она принялась учить меня своим понятиям о жизни, но, честно говоря, было уже поздно.

— Самая большая любовь—к своему ребёнку,—говорила мама, попутно показывая мне, как готовить гречку.—Каждая мать хочет, чтобы её ребёнок—а особенно дочь!—был в жизни устроен.

— Как это «устроен»?—не понимала я.

Мама посмотрела на меня взглядом, в котором боролись раздражение и снисхождение, и проговорила отчётливо:

— Чтобы всё у него было. У тебя. Чтобы ты ни в чём не нуждалась. Для чего я работаю, полы бегаю мыть? Для тебя. И мне так обидно видеть, что ты ни к чему не стремишься. Я когда-то, в восьмом классе, у матери просила ботинки новые из Барнаула, кудри уже на горячий гвоздик завивала! А ты наденешь что дают—и пошла. Всё в мечтах каких-то. Тебе о будущем думать надо, потому что мы с тобой одни. Нам никто не поможет!

В пример мне мама приводила дочку председательницы родительского комитета Полину:

— Полинка уже сейчас чётко знает, чего хочет. Она в иняз уже сейчас собирается. И мир посмотрит, и жениха хорошего найдёт. Кто-то спортом занимается, тоже, может, успехов достигнет. А у тебя только лицей этот твой литературный.

Мне совсем не нравилось направление разговора. Скрывая досаду, я спросила маму:

— Ну, в итоге ты счастлива-то стала хоть на день?

Ей, видно, тоже не пришёлся по нраву этот вопрос, потому что она воскликнула довольно резко:

— Да уж стала! Из глухой деревни выехала, выучилась на фельдшера, на работу здесь устроилась. Квартиру купила кооперативную, хоть и «однушку», а свою! Квартиры если нет—ты не человек!

Немного успокоившись, мама вернулась к первоначальной теме:

— Да, ребёнок—это главная любовь!

— А муж?—не согласилась я.

— Ко-му-то везёт с мужем, как Светлане Дмитриевне, на работе у нас женщина. Сметливый, работающий, заботливый. Не пьёт, всё в дом несёт. И дача у них двухэтажная, и квартиру неплохую купили. Она за ним как за каменной стеной, горя не знает. Ещё и подшутит над ним когда. Запомни главное: надо, чтобы он тебя любил. А ты—не обязательно.

— Как это?!—я задохнулась от возмущения.

— Да так. Какой-то писатель сказал: в любви один целует, а другую подставляет щёку. Найди такого, который тебя будет целовать.

— Это Лев Толстой сказал в повести «Юность». И не про любовь, а про дружбу,—запальчиво заметила я и возразила матери словами героини

Марины из сериала «Граница»:— А я сама хочу любить. Сама.

Мама разругалась и отстала от меня.

Сериал «Граница», который недавно показывали по Первому каналу, завладел моим воображением на несколько месяцев. Как и в случае с «Дикой Розой», я не замечала никаких просчётов сценария или режиссуры и полностью отдалась истории, которую рассказывали с экрана. В свои неполные четырнадцать я во всём оправдывала героиню Ольги Будиной: такая нежная и красивая, она, конечно, не могла быть плохой. Просто любовь пришла к ней так внезапно! Особенно я была очарована песней из оперетты, которую исполняли в первой серии. Я раздобыла слова этой песни у тётки Любы, напевала её в мыслях и думала о том, что скоро уже закончится это дурацкое детство, я стану взрослой, и у меня будут такие же верные подруги, как у героини. И, разумеется, я полюблю. Нельзя, невозможно, чтоб было иначе, это ведь и про меня тоже поют:

Что жемчужная накладка?
Что мне бархат и сафьян?
У меня любовь как Волга,
Ей под пару—океан!

Как-то я решила поговорить с Дашкой:

— Даша, как ты думаешь, кого ты могла бы полюбить?

Она удивилась моему вопросу:

— В смысле— парня?

— Ну да, да...

Подружка задумалась, перебирая пышные прядки каштановых волос.

— Ну, чтобы был такой высокий... Я маленьких не люблю. И чтоб брюнет. Сильный чтоб.

— Это всё понятно. Ну а так... что же делать с ним?

Дашка хихикнула.

— Да я не про то! Я про то— что с ним делать вот целую жизнь? Детей родить и воспитывать— это понятно. Но что ещё? Мне кажется, надо жить ещё ради чего-то. Вот хотя бы как Малдер и Скалли в «Секретных материалах».

— Инопланетян, что ли, искать?— прыснула опять Дашка.

Я тоже усмехнулась, но в глубине души мне стало немного обидно.

— Не обязательно инопланетян... Они же там с Курильщиком боролись... ну, с чиновником-то из правительства. Курильщик со своими людьми хотел истину от людей скрыть, а они, наоборот, её искали...

— «Истина где-то рядом»,— машинально повторила Даша слоган сериала.

— «The truth is out there»,— сказала я по-английски, вспомнив кадр из сериала с туманным ущельем.— «Где-то вовне». Нет, правда, счастливые люди— эти Малдер со Скалли.

Подружка посмотрела на меня с недоумением:— Да они даже не вместе, просто дружат. Ты что-то сильно глубоко копаешь. Главное, чтоб парень ответственный был. Умел принимать решения. Вот у нас дядька уже четвёртый год живёт, выслить не можем. Мне из-за него приходится на кухне спать. Мама говорит: если бы отец был мужиком, выгнал бы его давно.

— Погоди, так это же её брат!

— Ну не четыре года ведь ему тут жить! Ты не представляешь, как он нас достал уже! Он ведь ещё и жизни учит. Ведёт себя, как будто главный. А отец молчит только. Так что лично я такого парня, как мой папаня, никогда не выберу! Мужчина должен решительным быть, чтоб никто им не командовал.

Я вздохнула:

— Может быть... Но главное, чтобы он был твой лучший друг— вот что я думаю... Всё равно что твой же душа, только в другом теле. Он только о чём-то подумает— а ты уже и знаешь...

— Ну ты даёшь,— только и сказала Даша.

Однажды после физкультуры, когда все уже ушли в раздевалку, я заметила Вовкин свитер, который он оставил на скамейке, и, не отдавая себе отчёта в том, что делаю, схватила этот свитер и крепко прижала к себе. Володя вернулся за своей вещью, а я, конечно, сделала вид, что обнаружила её секунду назад. Но он остановил на мне долгий взгляд, в котором было что-то вопросительное и даже, как мне показалось, молящее.

На излёте зимы нашу семью постигло новое несчастье: мама сломала руку. Она всегда (впрочем, как и я) не любила зиму за темноту и холод, но после получения перелома стала её ненавидеть ещё и за скользкие дороги, на одной из которых маме как раз и довелось упасть по пути на работу.

Мы, как несколько лет назад, когда я потеряла миллион, перешли на тесто. Печь пироги приехали тётя Тома и мамина сестра Мария, вместе с которой так и продолжали жить в одной квартире оба её сына. За раскаткой теста она изливала душу моей маме:

— Нет счастья ни у одного сына, ни у другого. Сашке я говорила: не женись на этой стерве, не женись! Нет, поделил квартиру. И что? Бросила его через пятнадцать лет. Права я была! А Серёжка... Хорошо, что всегда при мне, так один ведь как перст. Ни разу даже девушку никакую не привёл.— Куда ему вести?— горько усмехнулась мама.— И Сашка, и ты дома сидите.

— Ну и что? Всё равно привёл бы, познакомил,— вмешалась тётя Тома и похвасталась:— Родик с Наташей вроде жениться собрались.

— И где они жить будут?— осведомилась моя мама.— Так у нас. Комната же есть, пускай живут. Мне, что ли, много надо? Я хоть в ванной жить буду. Пускай всё им.

— Ты ихпустишь к себе— благодарности не жди,— наставительно заметила мамина сестра.— Сказано давно: не делай добра— не получишь зла. Сколько я Сашке добра делала, и до сих пор! А он даже работать не хочет. Всё какими-то аферами занимается. «Амвэем» каким-то.

— Я вот что думаю, Марья,— сказала мама.— Проклят наш род. Мы и к целительнице ходили, Тома вот направила,— так она тоже об этом говорила. Сама посуды: отец в одночасье умер, Гена, брат, страшной смертью погиб, дядя Ваня спился... Семьи путней ни у тебя, ни у меня, вот разве что у Надьки, да и то я бы не сказала. И дети удачей не блещут. Вот и посмотри: счастливых-то нет. Прокляты мы.

Тётя Тома вдруг тихонько засмеялась: — Ой, девочка! Да если по-вашему судить— у нас пол-России проклято. У меня, что ли, родные никто не пьют?

— Ну, у тебя тоже несчастливая доля,— милостиво согласилась мама, не желая, однако, равнять тётю Тому с собой.

— Да почему несчастливая?— не согласилась тётя Тома.— Полосатая. То беда, то радость, то беда, то радость Главное, у нас дети есть! Вот— Леночка. А проклятия эти... Я Лазарева читала и скажу: у него везде что ни сделай, так пятно на карму ложится. Ещё от предков карма плохая достаётся. — И как быть?— заинтересовалась мама.

— Да меньше читать его надо,— махнула рукой тётя Тома.— Давайте пироги лепить.

В детстве я мечтала, чтобы тётя Тома гостила у нас несколько дней, и теперь моё желание наконец исполнилось: чтобы помогать матери по дому, она переехала к нам на целых две недели.

В первые дни я была совершенно счастлива. Тётя Тома баловала нас моими любимыми драниками (вместо сметаны, правда, была томатная паста), утром перед школой заботливо готовила кружку горячего какао, спрашивала, как дела с уроками. Но к концу первой недели я уже не чувствовала особенной радости от её присутствия. Оказалось, что она любит принимать душ по утрам, вешает полотенце не на змеевик, а на верёвку в ванной, отчего оно остаётся сырым, и всё время пытается надеть на меня вязаные следки, в то время как я люблю ходить босиком.

Мама тяготилась своей беспомощностью, рвалась что-нибудь делать, но с загипсованной рукой была способна разве что слегка прибрать вещи в комнате. Всё ложилось на тётю Тому и меня. Маме приходилось только молча смотреть, как мы носим выбивать ковры, моем посуду и пол. Я прекрасно видела по маминому лицу, что мы много чего делаем не так, как следовало бы. Но раздражение мама скрывала и вслух благодарила тётю Тому. А та, казалось, совсем не замечала

неискренности и только рада была стараться для подруги. Эта угодливость начала меня раздражать. Я задумалась: разве мама, если бы что-то подобное случилось с тётёй Томой, стала бы так же помогать ей?..

Однажды я пришла из школы раньше обычного и увидела, что мамы дома нет. Тётя Тома в опылённом мукой тёмном фартуке вышла мне навстречу:

— Люба маму твою на приём повезла, на такси. А мы с тобой пока чудо-блюдо сделаем, хо-хо!

Чудо-блюдом оказались не то вареники, не то пельмени с разными начинками из серии «Положи, что найдёшь»: свиное сало, солёная селёдка, квашеная капуста пополам с тёртой картошкой. Тётя Тома ловко лепила мелкие пельмешки и складывала их один за другим на белёсые от муки деревянные доски.

— То-то мы наедимся! Вкуснятина будет!— убеждала она.— Мама обрадуется.

Я, конечно, знала, что для тётю Тома вкуснее селёдки лакомства нет. Но есть её в пельменях? Измятой в кашу? Я чувствовала, как мои губы брезгливо кривятся. За минувший месяц мне и так осточертело тесто во всех его видах, а тут ещё и такая начинка!

— Может, вы просто гречку сварите?— спросила я тётю Тому.

— Уж что сварила, то и ешь,— отсекла она мои притязания.— Иди пока делай уроки, а я тебе всё принесу.

Я быстро разобралась с историей и открыла учебник физики, пытаюсь вчитаться в задачу и понять её смысл. Корпеть над задачей не хотелось, в голову лезли какие-то мысли то о дне, в который начинается весна, и по каким приметам его узнать, то о сериале «Зачарованные», который стали по будням показывать на стс. Замечтавшись, я не обратила внимания, что тётя Тома стоит рядом со мной и, заглядывая через плечо, уже невесть сколько времени наблюдает, как я рисую на полях тетради узор в виде косички.

— Ты зачем тетрадь испортила?— сердито спросила она меня.— Нас в детстве за такое заставляли выдирать лист и заново переписывать!

Раздосадованная её внезапным появлением, я ничего не сказала на это, надеясь, что она сейчас уйдёт. Но тётя Тома продолжала стоять около меня, очевидно, дожидаясь, когда я начну решать задачу. Мне жутко захотелось встать, задвинуть стул и сказать, чтобы она ушла. В конце концов, я же в своём доме! А если дом и не мой, так, по крайней мере, этот чёртов угол, где стоит стол.

— Решай-решай,— наставительно сказала тётя Тома.— Ты у нас образованной будешь. Мама столько старается ради тебя.

Я чувствовала, что закипаю, и была страшно рада, когда тётя Тома всё-таки отошла. Но она

слишком скоро вернулась, держа в руках блюдо горячих пельменей.

— Сядь ровно, — сказала мне она.

Это невинное замечание так всколыхнуло моё шаткое душевное равновесие, что я, не ожидая от себя, крикнула:

— Отстаньте!!

Тётя Тома слегка отпрянула, я развернулась вполоборота и резким движением нечаянно выбила у неё тарелку из рук. Пельмени высыпались на пол, один из них обжёг мне колено.

Тётя Тома расстроено проговорила:

— Ну вот... Помоги хоть мне.

— Да не хочу! — крикнула я. — Как мне надоело это всё! Мама с этой рукой — ничего не может, а всё хочет контролировать! Физику надо делать. Тесто надоело есть! И вы ещё тут... над душой стоите!

Тётя Тома посмотрела на меня с упреком:

— И ты так говоришь? И ты так говоришь, как будто тебе труднее всех? Я тебе рассказывала, как мы раньше жили... В бараке в деревянном...

Я смерила её взглядом, и в глаза мне бросились её нелепые вязаные следки, немодная полосатая майка, рано усвоенная старушечья суетливость. — Говорили уже! — оборвала я её. — Надоело.

Тётя Тома замолчала, а я, чувствуя, что не в силах смотреть на неё, чертила ручкой сумбурные линии в черновике.

— Ну ладно, Лена, — слышался тётки-Томин голос будто со стороны. — Если я тебе надоела, то я уеду. И больше не приеду. Помогать вам не стану.

Несколько секунд я просидела в оцепенении, осмысляя то, что было услышано, а когда поняла суть, вскочила со стула и, хотя мне хотелось кинуться к тётке Томе, остановилась на полпути. — Нет, пожалуйста, не уезжайте! — взмолилась я. — Я не так, я не это хотела сказать! Я просто... Мне...

Я расплакалась и опустила на стул, положив голову на руки. Тётя Тома подошла ко мне, погладила по волосам — вначале осторожно, одними подушечками пальцев, будто проверяя, не оттолкну ли я её; потом уже всей ладонью. Руки у неё были сухие и тёплые, пахли рыбой и тестом. — Не плачь, не плачь, Леночка. Конечно, ты растерялась. Мама вылечится, — по-своему истолковала моё горе тётя Тома. — Сейчас вот снимут гипс, потом упражнения будет делать для руки, — тётя Тома бодро сделала пару вертикальных махов. — Через пару месяцев перелома как не бывало.

Я смотрела на неё сквозь пелену слёз и тихо проговорила:

— Вы всегда так помогаете ей...

— Конечно. Она же моя подруга, потому и помогаю. Ну, ну, не плачь. Сейчас уже мама приедет. Пельмешки поест. Прости меня, что я лезу к тебе. Я, Лена, так мечтаю, чтобы ты образованной стала. Образованный-то человек больше про нашу жизнь понимает... А то у нас в перестройку всё отобрали,

а мы и знать не знали, что происходит... И вообще, без образования плохо. Все обворовать норвят. Вот Родик года четыре назад в таксисты подался. Ой-ой, чего натерпелся! За ремонт заплати, за мойку заплати, автопарку отдай... Милиции отстегни... Я всё мечтаю, что хоть ты так мыкаться не будешь. Будешь умственной работой заниматься. А я за тебя порадоюсь. Ну, не плачь...

Но слёзы лились из моих глаз. Я плакала потому, что оскорбила тётку Тому, которую клялась никогда ничем не обидеть. Я плакала, потому что ещё не умела любить как она — не задумываясь, чем и как на твою любовь ответят. Я плакала, потому что даже то, что казалось мне таким простым и незыблемым, было поставлено под сомнение. Я плакала, потому что выросла.

Глава 10. На Парнасе

Пожалуй, самой большой моей радостью в подростковые годы был Литературный лицей. Вплоть до начала 2010-х годов у нас в городе — да, наверное, во всей стране — действовало множество самых разнообразных школ, кружков и секций всевозможных направлений, плата в которых была символической или вовсе отсутствовала. Мои одноклассники ходили в «художку», «музыкалку», на бумажное моделирование. Архипопулярными среди девочек были эстрадные и балльные танцы. Когда мне было семь лет, мама записала меня в фольклорный ансамбль Гордк, но занятия там оказались трудно совмещать с учёбой, и через полтора года ансамбль я забросила, о чём, правду сказать, не слишком горевала.

Слицеем же вышло так. Подружившись в пятом классе с Дашей, я узнала, что она пробует сочинять сказки, и с великим интересом попросила её дать почитать написанное. Ольга решила, что наслаждаться художественным словом лучше всего на лоне природы:

— Поехали с нами на дачу. Горох, редиску, морковку будем сажать. А в электричке читать начнётся.

Поезд я раньше видела только издали, когда ходила к тётке Томе через «Космос» или гуляла с ней по Калинина. Ожидая электричку, я поднималась на цыпочки и заглядывала за поворот, откуда она должна была появиться. Чем слышнее становился стук рельсов, тем более бурно билось моё сердце. Я немного успокоилась только тогда, когда мы заняли места напротив окна в самой середине вагона. Дашкин отец любезно предложил мне какао из термоса, и я, удобно расположившись за раскладным столиком, углубилась в чтение первой подружкиной сказки, носившей нехитрое название «Про Кота и Пса». Сказка была снабжена иллюстрациями автора и повествовала о том, как верные друзья Пёс и Кот, пережив приключения, обрели собственный дом под красной крышей.

На даче я была во второй раз: в первый меня прихватили с собой мамыны знакомые, но тогда стояла середина лета и весь огород был похож на волнуемое зелёное море. В деревне у тёти Любиных родственников я тоже была в пору, когда на грядках всё цвело и зрело. Теперь же перед нами была тёмно-серая, застывшая в ожидании земля.

Я впервые увидела, как выглядят семена овощей, и, внимательно слушая Дашкиного отца, старалась делать всё так, как он говорил. Когда я погружала горошины в тёплую рассыпчатую землю, то представила, как через время на этом самом месте раскинется затейливая листовая вязь, и вспомнила картинки из нашего учебника литературы, по которому вела уроки Ирина Васильевна. На картинках были изображены оплетавшие буквы цветочные узоры, и мне на секунду показалось, что я сею в землю слова, чтобы потом проросли книги.

На обратном пути я прочитала ещё одну подружку сказку — «Петя и волшебная кисть». Дашина красивая тетрадь со сказками, праздничная майская природа, радостный труд на земле привели меня в такое воодушевление, что, спустившись в городе на станции «Путепровод», я во всеуслышание объявила:

— Как же на даче хорошо! Вот будет у меня какая-нибудь дача — я там всё буду сажать, поливать, полоть!

На меня пристально поглядела смуглая, будто мексиканка, старушка в белом платочке и прошамкала пророчество:

— Девочка! Свёкры тебя будут любить!

Вдохновившись Дашкиным творчеством, я загорелась желанием тоже написать какую-нибудь сказку. Я взяла тёмно-зелёную общую тетрадь и написала на форзаце свои имя и фамилию, а на первой строке цветной гелевой ручкой вывела: «Сказки». Чуть задумавшись, я прибавила: «90-х».

Дальше надо было писать о волшебных местах и удивительных событиях. Но в голову мне приходили какие-то не очень сказочные сюжеты. Например, о том, как в одном царстве-государстве взяли да исчезли деньги, и люди стали менять друг у друга вещи и продукты, и со временем самые смелые люди ушли в лес на поселение, чтобы там начать новую жизнь. Или о том, как жил-был бедный волшебник, который вырос на своём участке чудесный ананас, исполняющий желания; но пришёл к волшебнику злой и хитрый колдун Хопёр и выманил у него ананас взамен на фальшивые купоны. О том, как в тридевятом царстве был Завод Мастеров, и напали на этот край лихие люди, и разорили его — остался от Завода, говорят, только секретный цех глубоко под землёй.

Сказку о пропавшем заводе я всё-таки записывать не стала, остановившись на двух других

сюжетах. В одном погибающий от жары мир спасла девушка Ранет, в честь которой назвали спелые, полные прохладного сока яблоки. В другом героем были двое близнецов, мальчик и девочка. Мать у них умерла, от отца они убежали — тот был злым и поколачивал их. Близнецы одно время жили на вокзале, разносили газеты. Потом детей поймали милиционеры, которые оказались переодетыми ворами. Кое-как вырвавшись из лап бандитов, брат и сестра скрылись под прилавком на рынке. Тут их нашла одинокая добрая бабушка и взяла жить к себе.

Я показала своё творчество Даше, и мои «сказки» произвели на неё впечатление:

— Обалденный сюжет! У тебя талант.

Ободрённая подружкиной похвалой, я решила замахнуться на целый роман — благо время было летнее, уроков никаких. В этом романе о любви и нефтяниках действие должно было происходить в рабочем посёлке посреди суровой сибирской тайги. Героиню я решила назвать Валею, в честь Валентины Терешковой и заодно Толкуновой, а героя — Петром, уже не помню почему — наверное, в честь героя только что прочитанной «Капитанской дочки» Пушкина. Со временем влюблённые должны были разлучиться: Петру сразу после окончания школы предстояло идти в армию, а потом отправляться в дикие места разведывать новое месторождение. Для Вали я подвигов пока не придумала.

Я успела написать только часть первой главы, в которой Валентина, ещё семиклассница, выходит на улицу и любитесь весной, а потом возвращается в дом и принимает участие в скромной трапезе со своей семьёй.

Тетрадь с романом у меня пряталась за шифоньером. Мама случайно нашла её при уборке и, как я ни пыталась выхватить у неё тетрадку, тут же отправилась читать мои наброски. Мучаясь от стыда за несовершенство своих творений, я нервно ходила по комнате, пока мама изучала моё творчество на кухне. Наконец он вышла ко мне и сразу произнесла замечание:

— Что уж такая нищета у них? «Широкие лавки вдоль стен». Это же тебе не сороковые годы, а всё-таки девяностые. Стулья надо. И мясо им на стол поставь, деревня же.

— Это рабочий посёлок, — поправила я.

Когда к нам по какому-то делу зашла авторитетная мама знакомая — управдом, родительница не преминула посоветоваться с ней по поводу моего творчества:

— Тут у меня Ленка рассказни какие-то писать вздумала... Может быть, посмотришь, как умный человек, и скажешь: стоит ли время тратить, или нечего глаза портить?

Управдом внимательно почитала мой «роман» и отметила:

— Слог у неё хороший. Пишет, значит, складно. Так что пускай пишет. У нас в прошлом году какой-то Литературный лицей открылся. Адрес у меня в книжке записан, помню, что недалеко. Вот и определи её туда. Пусть занимается.

В лицей я пошла в самом начале шестого класса вместе с Дашей, мама которой, услышав от моей про это учебное заведение, сразу решила определить свою дочь туда:

— Вдвоём веселей им будет ходить, за компанию.

Мы с Дашкой, разумеется, тоже так считали.

Я думала, что заведение, носящее такое гордое название — лицей! — должно было иметь колонны, высокие потолки, светлые залы — в общем, походить на Дворец пионеров или Гордк. Но оказалось, что лицеем называлась небольшая часть бывшего детского сада, в которой навскидку насчитывалось всего лишь три или четыре кабинета.

На первое занятие нас пригласили в самый дальний и самый просторный из них, в котором на стеллажах стояли многочисленные книжки, а на стенах висела пара каких-то старинных портретов в венках. Я с беспокойством поглядывала на дверь: мы с Ольгой пришли самыми первыми, и оставалось только гадать, кто будет ещё здесь заниматься, кроме нас.

Постепенно появлявшиеся ребята — шесть или семь человек — вели себя раскованно и уверенно: видно, они тут всё уже знали. Только два мальчика, возрастом как я и Оля, тоже казались новенькими. Я обратила особенное внимание на одного из них: голубоглазого, с шапкой тёмно-русых волос, похожего на портрет в венке, который висел над доской.

Наконец появилась учительница, по-праздничному одетая в белую блузку и красную юбку. Едва поприветствовав нас, она стала задавать странные вопросы:

— Скажите мне, пожалуйста, дорогие друзья, что бывает зелёного цвета? Но те, кто с прошлого года, пока молчат!

Мы говорили, что трава, деревья, огурцы. Учительница кивала нам, но хитро улыбалась: видно было, что она ждала какого-то другого ответа.

— А что бывает красного цвета?

— Клубника! — немедленно отозвалась Дашка. — Вишня. Помидор.

— Клубника, помидор... — повторила странная учительница так, будто слегка иронизировала над Ольгиными словами. — А что же тогда бывает синего цвета?

Кто-то ответил, что синими бывают горы.

— Уже лучше, — чему-то усмехнулась учительница. — Ну-ка, Дина, подскажи им.

Девочка с короткими волосами медленно проговорила:

— Синее слово — уроки.

Странная учительница заулыбалась так доволь-но, будто её угостили мороженым.

— Вы понимаете, друзья мои? Синее слово — уроки.

— А зелёное слово — мир, — отозвался кто-то. — Мир на земле.

Внезапно я поняла и воскликнула:

— Тогда красное слово — любовь! Красное с золотым!

Учительница, которую звали Мариной Олеговной, скоро стала казаться мне уже не странной, а удивительной и знающей на свете буквально всё — во всяком случае, всё, что было мне интересно. Я, однако, долгое время испытывала какое-то чувство опасения, когда на своих занятиях она просила нас то нарисовать музыку, то придумать свой собственный миф о сотворении мира, то создать предысторию какого-нибудь героя. Во мне слишком живо запечатлелась история Ирины Васильевны, которая тоже хотела учить как-то по-своему, по-особому — и закончила плохо. Наверное, я поневоле боялась лишиться новой наставницы. Но спустя несколько месяцев моя тревога прошла.

Марина Олеговна была влюблена в Древнюю Грецию. Весь первый год она вдохновенно рассказывала нам о греческих городах-государствах, о народных собраниях на афинской площади, о творческой смелости скульптора Фидия и мудреца Сократа, о древнем театре, который был средоточием жизни каждого эллинского города. Она показывала нам роскошный альбом с иллюстрациями, где среди скульптур всевозможных богов и героев, общественных деятелей я однажды заметила приятное женское лицо, не слишком похожее на изображение какой-нибудь богини, и спросила:

— Кто это?

— Это Аспазия, жена Перикла, удивительная женщина, — певуче ответила Марина Олеговна и почти торжественно прибавила: — Она была гетерой. Это были образованные женщины, знавшие литературу, музыку, иногда и математику, активно интересовавшиеся политическими, общественными событиями. Они вели свободный образ жизни, особенно по сравнению с другими афинскими женщинами. Общались с мужчинами, принимали гостей...

«Это совсем как тётя Люба. Она тоже знает математику, песни любит, танцует в Гордк. И на выборы губернатора ходила, маму вон туда же заманишь», — подумала я.

Несколько месяцев, не меньше, мы с Мариной Олеговной читали гомеровскую «Илиаду». Вначале наставница приучала нас к непривычно длинному гекзаметру, отстукивая вместе с нами на парте ритм шестистопного размера:

Нев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид...

В начале чтения мне страшно понравилось, что главную героиню этого героического эпоса звали не как-нибудь, а Еленой, и была она «истинно вечным богиням красою подобна», и сама богиня любви Афродита обещала её любовь в награду троянскому царевичу Парису. Я стала так восхищаться своим именем, что с удовольствием писала его на всех тетрадях и учебниках, ручкой и карандашом, вдоль и поперёк, украшала его всевозможными подчёркиваниями и завитушками.

Однако чем дальше шло повествование, тем явственней становилось видно, что жизнь моей прославленной тётки была вовсе не сладкой. Парис на поверку оказался трусом, греки требовали вернуть Елену обратно в Спарту и желали мести, народ Трои относился к Елене враждебно, — да и что можно чувствовать к той, из-за которой весь Илион полыхал погребальными кострами? Даже Афродита — и та пригрозила проклясть и убить, стоило только Елене пожаловаться на свою судьбу да на трусость и легкомыслие Париса. Только два человека были добры к Елене — свёкор Приам, который называл её «дитя моё милое» и успокаивал, говоря: «Ты предо мною невинна; единые боги виновны», — да деверь, кроткий разумный Гектор. В конце «Илиады» мне жаль было и пламенного безумца Ахиллеса, и Аякса, и даже Париса; но когда Елена, каясь, что когда-то бросила отечество и навлекла на всех беды, плакала над телом Гектора, я в самом деле заплакала вместе с ней.

Марина Олеговна объясняла, что греки оправдывали Елену: дескать, она ничего не могла с собой поделатъ, затеять войну заранее решили бессмертные боги. Мне, однако, это объяснение никак не нравилось: так ведь и вовсе выходило, что все люди — не больше чем игрушки в руках богов. Я решила, что всё же дело в самой Елене: это она пошла на поводу своего желания, привлечённая красотой Париса, и не думала, что будет дальше. Меня прямо-таки взяла на неё досада. Да и всё очарование Древней Грецией понемногу стало меркнуть. Оказалось, что мудреца Сократа афиняне обвинили (безумие!) в растлении молодёжи и заставили выпить чашу с ядом, скульптора Фидия из зависти бросили в тюрьму. Почтенный философ Аристотель считал, что в свободном обществе у каждого гражданина должно быть как минимум два раба, и рабов, естественно, не считал людьми. А уж про гетер и вовсе открылось нечто стыдное... За пышностью и блеском античности скрывалась жестокая, мрачная жизнь, возможно, даже красивая в своей суровости, но ничуть не похожая на рай, каким она показалась мне поначалу.

Первое время в лицее мне было довольно трудно — во всяком случае, труднее, чем другим. Я очень скоро поняла, что роман о любви и нефтяниках, да и любой другой роман смогу написать только лет через десять, не раньше, потому что, прежде чем писать большие вещи, надо много чего прочитать.

Ребята, ходившие в лицей, говорили на переменах, да и на занятиях, о каких-то Льюисе, Толкине, Максе Фрае, спрашивали друг друга, сколько экранизаций Лема они смотрели и что слушали у Цоя, «Наутилуса» и «Гражданской обороны». Я мало-мальски знала только Цоя, а обо всём остальном слыхом не слыхивала и поэтому во время чаепитий (их нам устраивали на переменах) и прогулок держалась в стороне, боясь, что моё невежество случайно обнаружится. Даша тоже была несведуща в упоминаемых книжках, фильмах и песнях, но, к моему удивлению, нисколько не волновалась по этому поводу и вообще ходила в лицей скорее ради развлечения. Мне же хотелось понять, о чём рассуждают ребята. Я решила начать с Толкина и попросила в школьной библиотеке «Хоббита». Книжка мне понравилась: это оказалась сказка, но не похожая на те, что я читала прежде. Я стала много читать, и передо мной открылся широкий простор сюжетов, образов, смыслов. Я начала понимать, почему тётке Любе нравился заумный Галич и чем Марину Олеговну привлекал ещё более мудрёный поэт Осип Мандельштам.

Огромный интерес у меня вызвала «Божественная комедия» Данте, которую мы несколько уроков читали с преподавательницей зарубежной литературы. Когда Наталья Владимировна сказала, что из трёх частей «Комедии» людям семь с лишним веков больше всего нравится «Ад», я поневоле воскликнула:

— Значит, он похож на нашу жизнь!

В преддверии ада оказались те самые древние греки, про которых мы говорили в прошлом году, дальше — влюблённые Паоло и Франческа и опять-таки Елена, «тягостных времён виновница». Тут я уже пожалела тётку: не одна ведь она, в конце концов, виновата в кровопролитной войне, а мучается за всех!

Я очень сочувствовала самому Данте, надеясь, что он благополучно выберется из адской воронки, в которой было девять кругов, и по ходу чтения так засыпала Наталью Владимировну вопросами, что она в конце концов сказала:

— Ты у меня на зачёте будешь только по этой книге отвечать!

Дослушав сюжет до конца, я стала думать, что куда лучше Елены — Беатриче, и написала у себя в тетради её слова:

Бояться нужно лишь того, в чём вред
Для ближнего таится сокровенный.
Иного, что страшило бы, и нет.

По субботам в лицее была театральная студия, занятия в которой вёл пожилой актёр из тюза. Ходить туда было необязательно, однако мы с Дашкой решили пойти — отчасти из-за искреннего интереса к актёрской игре, отчасти потому, что туда уже записались два небезразличных нам мальчика — черноволосый Никита, которого я заприметила ещё на самом первом уроке, и его приятель Лёша. На театральных занятиях мы много занимались речью и движениями, старались вжиться в образ. Мы инсценировали басни Крылова, стихи Даниила Хармса и тому подобные маленькие вещи. К концу седьмого класса режиссёр решил, что мы созрели для настоящей небольшой пьесы, и стал разучивать с нами чеховский «Юбилей». Даша стала докучливой старухой Мерчуткиной, нравившийся ей мальчик Лёша — моим мужем, банкиром Шипучиным, я, соответственно, его женой, болливой и кокетливой Татьяной, серьёзный Герман — счетоводом Хириным, а Никита, вопреки моим ожиданиям, в этот спектакль не вошёл совсем.

Отыграли мы для своего возраста неплохо. Прямо после представления мой сценический муж, не выходя из образа важного банкира, подошёл ко мне с предложением:
— Пошли, Елена, прошвырнёмся.

Дашка хмуро посмотрела на меня из-за кулис. Лёша был мне вовсе не нужен, однако я попросту не знала, как ему отказать, поэтому оделась и вышла. Лёша, как один из героев Зоценко, принял меня под руку и волочился, как щука, а я, что-то машинально отвечая на его вопросы, всю дорогу мрачно думала про себя: «Вот и взрослая жизнь настаёт: нравится один, а гуляешь с другим».

Однако парой походов в универмаг всё ограничилось: приобрести какой-никакой опыт «гуляния», мы стали друг другу неинтересны, и я могла смотреть в глаза подруге с чистой совестью.

Никита казался мне очень умным: он писал стихи, часто упоминал какие-то зарубежные имена режиссёров и музыкантов, — и я долго не решалась к нему подступиться. Я обрела смелость только тогда, когда мою довольно занудливую, но уже приемлемую сказку об оживших ёлочных игрушках напечатали в сборнике «Сказки и стихи детей Красноярского края». По поводу выпуска этой книжки устроили концерт в одном из залов Дома искусств. — Никита, я давно хотела у тебя спросить... — робко начала я.

— Что?

— Ты не дашь мне послушать кассету «Наутилуса»? Я его просто никогда не слушала...

На лице Никиты отразилось неприязненное удивление:

— Никогда? Ты что, с Луны свалилась? И папа твой не слушал?

Я смиренно ответила:

— Свалилась. И попала в племя амазонок.

Никита посмотрел на меня ещё более непонимающим взглядом, однако пообещал, что кассету принесёт. Смутившись, я убежала на другой ряд и села возле преподавательницы «зарубежки» Натальи Владимировны.

После нескольких поэтических номеров на сцену вышли две девочки со скрипками. Я смотрела, слушала и с трудом верила, что из простого на вид инструмента — из деревянной груши и палочки — можно извлечь такое богатство чувства. На сцене не было ничего, кроме двух девочек и дирижёра, но я видела своими глазами, как румянило молодую траву утреннее солнце, как порхали между ветками птицы, как набирали силу бутоны жёлтых и фиолетовых весенних цветов, как наливались влагой дождевые облака и слышались раскаты майского грома, а из деревенского дома уже выбежали дети, чтобы подставить ладони приходящему дождю...

Не удержавшись, я спросила Наталью Владимировну:

— Что это такое?

— В каком смысле? — не поняла она меня.

— Напомните, пожалуйста, что это играет...

— А... Это Вивальди, «Весна».

Волшебные голоса скрипок ещё долго звучали внутри меня. С тех пор я знала, к чему должен стремиться каждый музыкант, художник или писатель, — к тому, чтобы созданное им было живее самой жизни и пробуждало в человеческом сердце ростки любви.

К началу девятого класса я стала спокойнее, из уважения к матери перестала с ней пререкаться, а свои мысли начала регулярно записывать в личный дневник, который, разумеется, не показывала никому. Я уже не проводила всё свободное время дома у Дашки и полюбила гулять одна. Когда на улице было тепло, я брала с собой в сумке учебник английского языка, книжку по биологии, какие-нибудь рассказы, садилась в сквере и читала, пока не уставала спина. Учительница английского отправила меня на конкурс переводчиков, биологии — на районную олимпиаду. Перевод мой оказался средним, зато на олимпиаде по биологии я заняла четвёртое, почти призовое место, которое учительница сочла успехом и при всех поздравляла меня. Вообще среди наших педагогов я снискала славу «эрудированной девочки-гуманитария», и ко Дню учителя меня вместе с Викторией Иваничкой, Игорем и Лёшкой Богдановым приняли в команду игры «Что? Где? Когда?», которая проводилась между учениками разных школ. Мы заняли почётное второе место. Первым делом я позвонила Мустьяце:

— Представляешь, мы выиграли в «Что? Где? Когда?»!! Там было десять или даже больше команд, а мы оказались вторые!

Катька по телефону издала боевой возглас. — Молодец! Ты нисколько не глупей этой поганой Иваницкой. Я тебе всегда говорила, что ты умничка! Вот послушай меня. Подойди к этой стерве Вике, а ещё к Дианке, к Соньке, и скажи, что они получают за всё. Как они мимо нас проходили, за людей не считали, на уроках рот мне загикали и в столовке не давали места. Иваницкой вообще скажи, что она тварь высокомерная.

— Сама скажи.

— Я далеко, а ты за меня. Боишься?

Я перевела дыхание. Мне никогда не нравились Вика и её присные, но говорить им в лицо подобные вещи было, во-первых, страшно, а во-вторых — имело ли смысл?

— Боишься, — дразнила меня Катька. — Смелости надо набраться. Хоть на выпускном скажи.

— Больше смелости будет не Вике сказать, а папе её, который деньги во Вьетнам вывозит. Или Дианкиному, который браконьерит.

Мустьяца помолчала.

— Чёрт с ними, с этими богатыми. Скажи лучше, ты дружишь с кем-то?

— С парнем? Нет.

— А я вот дружу с одним мальчиком.

— А раньше ты мне говорила: зачем да зачем они тебе? — напомнила я.

Катька рассмеялась:

— Теперь знаю зачем. Есть у меня мальчик, Серёжа. Он из наших.

— Из каких из наших? — не поняла я.

— Ну, из наших. Из молдаван. В этом районе наших много живёт.

Это слово «наши» резануло мне слух, как наждачка по стеклу. Как-то ненароком выходило, что я сама для Катьки была, оказывается, не совсем «наша».

Катька напоследок опять пожелала мне, чтобы я подстроила какую-нибудь мелкую месть Иваницкой, и я, рассеянно что-то пообещав подружке, положила трубку. В тот же день я записала в дневнике: «Слышала выражение: „Дружба двух женщин — всегда заговор против третьей“. Оказывается, так и правда бывает. Но я не такой дружбы хочу».

Тётя Тома с тётёй Любой были очень рады моим успехам в учёбе.

— Теперь надо только тебя нарядить, и ты у нас совсем расцветёшь, — сказала тётя Люба. — Это дело я возьму на себя.

— И косметику надо тебе купить, пора уже краситься. И подстричь бы тебя хорошо. Я вот смотрю в журнале «Лиза» — девки под лесенку все подстрижены, — добавила мама.

Мама в самом деле пригатила меня в магазин и, послушав советы бойкой продавщицы, купила мне тушь, серебристые тени, блестящую розовую помаду «Вотершайн» и чёрную бархотку, которую

я называла ошейником и потом никогда не носила. Спустя малое время в обувном отделе мы приобрели моднейшие в то время остроносые туфли, которые, как мне казалось, выглядели на моих ногах будто лыжи.

За пару дней я научилась пользоваться тушью, хотя ещё долго боялась, что попаду колочкой кисточкой себе в глаз. Моё модное преобразование неожиданно завершила тётя Люба, в один прекрасный день явившаяся к нам вместе с двумя объёмистыми пакетами.

— Ну, Ленка, сейчас тебя будем наряжать! — торжественно объявила она. — Тут одна знакомка — клиентка моя — отдала свои вещи. Я ей сшила пинжачок, и уж так она была довольна, что меня спросила: не надо ли вам хороших вещей на стройную девушку? А я сразу и говорю: надо!

— Если хорошие вещи, так зачем отдала? — недоверчиво спросила мама.

— А ей маловаты. Да и просто, может, надоели. . . В общем, вы не брезгуйте, вы меряйте!

С этими словами тётя Люба вытряхнула из пакетов подаренное богатство. Там были две усыпанные стразами футболки, джинсы клёш с бахромой, розовый свитер-ангорка, короткий чёрный сарафан на узеньких бретельках и ещё более короткая блестящая кожаная юбка, полупрозрачная блузка с острым воротником и ещё несколько вещей поскромнее.

Тётя Люба облачила меня в чёрный сарафан, который оказался мне в обтяжку, и громко восторгалась моим обликом:

— Ну красота! Как в Европе! Под сарафан белую футболку надеть — и прямо в школу можно.

Сарафан я надела только один раз: пацаны так пялились на меня, что я весь день не находила себе места и после уроков с облегчением отправилась домой, закинув эту «европейскую» шмотку на антресоли. Остальные вещи были скромнее, но из-за них на меня всё равно обращали внимания больше, чем обычно: раньше я по большому счёту ходила в одном и том же.

Однажды ко мне подошёл Вовка и пригласил погулять в сквере возле школы. Некоторое время мы шли молча. Хлопьями падал снег. Я так волновалась, что в моей голове даже не было никаких мыслей, только осознание какого-то чуда: он здесь, он снова рядом со мной.

— А у меня бабушка умерла, — вдруг сказал Вовка. — Как?! — поразилась я.

— Ещё две недели не прошло.

Я хотела сказать что-то в утешение, но Вовка, положив свою руку на мою, продолжил сам:

— Она быстро умерла, не мучилась. Отец сейчас с тёткой хату будут делить. Но я думаю, отцу достанется. Он хваткий. Всё себе заберёт. Его и так дома нет, а щас продаст хату, купит «двушку», так, наверное, совсем уйдёт.

Я вспомнила, как Вовка говорил, что бабушка обещала оставить квартиру ему, и спросила:

— С отцом пойдёшь в «двушку» жить?

— Да ну его... Если уйдёт — я с матерью останусь. Она добрая. Как ты.

Я поневоле отвернулась от смущения. Вовка нервно вцепился в мою руку и повернул меня к себе.

— Ты как сейчас живёшь? Говорят, что в Литературный лицей ходишь, книжки там изучаешь. Сказки пишешь...

— Д-да, — неуверенно кивнула я.

— Хорошо... А я готовкой... этой... варкой увлекаюсь... жаркой. Шоу «Смак» смотрю. М-мать даже хвалит меня. Один раз суп с пельменями варил, называется — бабушкин суп. Картошку не этого... не сразу варить, а пожарить, потереть... и лук... и помидорку. И жарить, и жарить... Понимаешь? — Нет, — честно ответила я, чувствуя, что, глядя на него, мало соображаю.

Он посмотрел на меня — мне показалось, что долго.

— Слушай... — выдохнул он. — Я давно хочу тебе сказать. Давай опять дружить.

Во мне полыхнула обида:

— У тебя вон теперь — новые друзья есть.

Вовка вскочил со скамейки:

— Какие они мне друзья?! Понторезы... Стали расклады давать: этот лох, тот не лох... Докопались: ты пацан... такой или не такой? Извини, что так получилось тогда. До сих пор понты колотят, но уже меньше. С «ашками» скорешились. По «Бандитскому Петербургу» тащатся, говорят, что через годик будут дворы делить, Озерков с местными какими-то пацанами перетирал. А мне это не надо. Я хочу простой жизнью жить. Вон батя мутил-мутил со своими продажами. То напарник его обул, ментам подставил, то сам он погорел. С матерью скандалил, в грудь себя бил: я нас богатыми сделаю! Ага, нас... Может, только себя. Мать любовницу у него всё искала да скандалила. Кое-как успокоились. Бабушка вот умерла... Одна была нормальная. А эти... Задолбали все. Скорей бы вырасти уже. — Это точно, — охотно согласилась я.

Вовка обнял меня.

Глава 11. Сочинение про будущее

Мы вправду снова стали приятелями. Вовка подарил мне кассетный плеер и несколько кассет: «Гражданскую оборону», «ддт», «Сектор газа» и, для разнообразия, «Чай вдвоём». Вместе со Стружкиным и Богдановым они смотрели зимнюю Олимпиаду в Солт-Лейк-Сити, и я, чтобы не отставать, тоже стала каждый вечер проводить у телека, отпрысавшись у мамы несколько дней не ходить мыть полы в офис. Нашим спортсменам никак не везло, но наконец теннисисты принесли России победу.

— Видела вчера, как Ельцин на корт выскочил Южного поздравлять?! — кричал мне Вовка. — Ура-а! Круто!

И я, удивляясь сама себе, тоже кричала «Ура!» и думала, что это круто.

В конце зимы Вовка пригласил меня на свой день рождения. Зная, что он смотрит мультсериал про покемонов, я со всем возможным старанием нарисовала цветными карандашами главного героя Эша Кетчума, его друзей Брока и Мисти. Мама купила в «Красном Яре» коробку дорогих конфет.

Я никогда раньше не бывала у Вовки дома и ещё с первого класса много раз пыталась представить, как живёт его семья. Квартира оказалась такой же маленькой, как наша с мамой, только немного другой планировки. Внутри стояла довольно современная мебель — шкафы из ДСП, ламинированный белый стол, лёгкие светлые стулья. Кухня с посудомойкой и разноцветным кафельным фартуком казалась мне скопированной с какого-нибудь рекламного проспекта. Только на столе стоял перекидной календарь — тяжёлая металлическая коробочка, у которой нужно было крутить ручку и менять надписи, показывающие число, месяц и день недели.

— Бабушкин численник. Храним, — коротко объяснил Вовка.

На день рождения пришли Вася Упиров из параллельного класса, Богданов, два неизвестных мне парня — они оказались соседями. Последним явились Стружкин и какая-то девочка, облачённая точно в такой же мохеровый розовый свитер, какой имелся у меня. При виде этой девочки, веки у которой до самых бровей были густо накрашены иссиня-чёрными тенями, я застыла на месте, лихорадочно пытаюсь сообразить, кто она и откуда. — Это Марина, девушка Семёна, — официально представил мне Вовка незнакомку.

Стружкин кивнул и положил руку на плечо Марине, без слов подтверждая её статус. Я пыталась не радоваться слишком открыто.

— А Саня-то где? — спросила я, отвлечись наконец от мыслей о девочке. — Котляренко?

— Мы с ним не очень теперь, — махнул рукой Вовка.

Из взрослых была только Вовкина мать, которая накрыла нам на стол, поела вместе с нами горячее, послушала немного музыку и отлучилась.

— Хорошая у тебя мама, — искренне сказала я имениннику.

— Ты ей тоже нравишься, — ответил он.

Вовка угощал нас пирогом собственного приготовления, острым ножом красиво разрезал на куски ананас, под общие крики восторга разбил молотком кокос. Глядя на эти фрукты, я поневоле вспомнила тётю Тому с её компотом и сухую кокосовую стружку, которую мама подсыпала в печенье. В девятые были только стружка и «Зуко», а теперь на дворе стоял две тысячи второй

год, и супермаркеты активно зазывали нас в продуктовый рай.

Мы подёргались под «Руки вверх», Шакиру и «Плазму», посмотрели по видеку фильм «Лара Крофт: Расхитительница гробниц», где губастая Анджелина Джоли с длинной косой стреляла из разных видов оружия и охотилась за сокровищами. — Классно! — сказал Вовка, плюхаясь на диван. — Ещё только компьютера не хватает. Мама сказала, что через годик купим. В «Серьёзный Сэм» буду играть.

Стружкин засмеялся:

— Мне больше «Демидурги» нравятся. Слышите, ребят, из вас кто после девятого уходит? И на кого учиться собираетесь?

Один из мальчишек-соседей сказал, что будет заканчивать одиннадцать классов и станет сис-админом:

— Работа выгодная, вон в любой газете объявления: «Системный администратор, зарплата пять тысяч». Я в компе шарю, а компы чем дальше, тем популярней будут, сами видите.

Второй сосед ответил, что ещё не знает. Я присоединилась к нему:

— Тоже думаю ещё, куда податься, но, наверное, одиннадцать буду заканчивать.

— Конечно! — вдруг вмешался Вовка. — Ты же умная! По русскому там, истории... Ты бы учителем могла стать. Терпеливая к тому же. А я не буду ещё два года сидеть — какой смысл?... На повара пойду. Потом в кафе какое-нибудь устроюсь, и ништяк.

Услышав, что он собирается уходить, я мгновенно похолодела. За минувшие восемь с половиной лет я настолько привыкла к присутствию Вовки в классе, что одна мысль о его скором уходе отзывалась ноющей болью. Даже в то время, когда мы не общались, я всё равно знала: он тут, а значит, всё идёт как заведено. Что же теперь?!

— Учителем стрёмно быть, — заговорила подруга Стружкина Марина, жуя жвачку. — Чё они хорошего видят? Денег мало получают, мучаются с нами...

— Балбесами! — засмеялся Семён. — У меня бабка учительница. Батя инженер. Вот учились они, учились, книжки читали всю жизнь, и чё? Отца сократили, бабка без зарплаты сидела. Один раз даже водкой выдали. А мать продавцом в «Красный Яр» устроилась — и стабильно получает. А я бы в видеомагазин консультантом пошёл. Там ваще лафа! Строишь фильмы на халяву, люди приходят диски покупать, ты им советуешь... Кофе пьёшь сидишь... Хоть всю жизнь работай. — Или в киоске фотопечати, или платежи за сотовые принимать, — добавила Марина, закидывая руку на плечо приятеля.

— Реально, — согласился Стружкин. — Люди же всегда будут приходиться фотки проявлять или за сотовые оплачивать. Но в видеомагазине всё-таки

круче. Или в музыкальном. Давай, Вован, вруби ещё хоть «Руки вверх»!

Мы развели тоником апельсиновый «Зуко» из старых запасов Вовкиного отца (народ теперь покупал соки в коробках, и разноцветные порошки больше не пользовались спросом), запарили по коробке лапши.

— Давайте за нас, ребзя, — предложил гост Вовка. — Мы с вами родились в великий тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год — год появления «Доширака» в России. Вчера прочитал.

Я не могла понять, шутит он или нет, а остальные уже сдвинули стаканы и звонко ударили их друг о друга.

Мы сидели у Вовки ещё долго. Он показал всем коллекцию фишек с покемонами, и мы хохотали над корявым переводом: названия «карманных монстров» были переведены как Магнитное чудовище триединое, Сестра с красной губой, Пара нечистей с присоской, Старшая кошка. Самого известного покемона, Пикачу, переводчики нарекли Волшебным дитятком. Мы смеялись над корявым переводом японских аниме и американских боевиков, над фильмом «ДМБ» и стержозной ведущей шоу «Слабое звено». Мы спорили до хрипоты, живут ли в самом деле на необитаемом острове участники передачи «Последний герой» или их выпускают в тропический лес только для съёмок. Мы снова говорили о том, кем дальше быть, и всем ребятам, похоже, казалось, что ушла в прошлое тревожная эпоха перемен, что наступает сытая, благополучная жизнь, в которой полно развлечений на любой вкус и кошелёк и можно плыть по течению, не задумываясь, куда тебя вынесет завтра.

Но я не могла не задумываться и даже на празднике, приглашения на который ждала, быть может, целых восемь лет, не чувствовала себя беззаботно счастливой, как все остальные. Мне хотелось чего-то ещё, кроме бесконечного просмотра фильмов и передач, и я никак не могла представить, что всю жизнь — да что там, даже пару лет! — проведу за стойкой кассы по приёму платежей или за прилавком магазина. Мысль о том, что я должна совершить в жизни что-то гораздо большее, не отпускала меня, и туманная детская мечта — сделать всех счастливыми — заставляла задуматься о профессиях, в которых надо было посвятить себя людям. Но мне было страшно терять друзей, которые навряд ли понимали, чего я так беспокойно ищу. Сначала уехала и погрузилась в свою жизнь Катька. Теперь меня готова принять к себе Володина компания, но я не чувствую себя в ней полностью своей. Оставалась только Даша, да и с ней мы в последнее время, кажется, перестали понимать друг друга...

На вторые майские выходные Петровна отпустила нас, дав глобальное задание — написать

по «обществу» сочинение на заковыристую тему: «Прошлое и будущее моей страны и моё будущее».

— Мы ж уже с вами про будущее сочиняли!—вспомнили мои одноклассники.

— Там вы ещё совсем зелёные были, по тринадцать лет,—возразила Татьяна Петровна.—В школьные времена полгода—уже огромный срок. А сейчас вы уже личности почти самостоятельные, заканчиваете девятый класс. Я себе не прощу, что на этом этапе не провела среди вас опрос и не узнала, кто чем живёт.

Узнавать, кто чем живёт и о чём думает, Татьяна Петровна была большая любительница. Наши работы по обществознанию, а при желании—работы учеников параллельного класса, она читала вслух, никогда не спрашивая автора сочинения, хочет ли он озвучивания на публику своих мыслей. В середине девятого класса она дала нам задание поразмышлять на тему «Мой будущий супруг», и так как врать я не умела, а писать правду с риском того, что она будет прочитана перед классом, категорически не хотела, то попросту отказалась делать эту работу, получив двойку.

Сочинение про будущее страны мне понравилось больше. В глубине души я даже обрадовалась тому, что даётся случай наконец серьёзно поразмышлять на тему, которая уже давно не давала мне покоя.

В первый из трёх выходных мы с мамой отправились в офис на генеральную уборку: отмывали стены, протирали люстры и полки в шкафах, драили с порошком кафель. Эта монотонная работа почему-то не раздражала меня, как прежде, а наоборот, успокаивала и помогала думать о том, что я хочу написать в сочинении.

На следующий день было девятое мая. Мы с мамой собирались поехать на парад, но зарядил дождь, и вместо парада пришлось включить телевизор. Вместе мы посмотрели концерт, потом фильм «А зори здесь тихие», который очень нравился маме. Вытирая слёзы на финальных кадрах, она горестно прошептала:

— Погибли девочки бедные!

— Да, жалко их!—искренне согласилась я.

— Пытался старшина их спасти и не смог... Ну, вот мальчика усыновил и вырастил... Какие люди были! Сейчас таких нет.

— Почему?—спросила я.

Мама посмотрела на меня с удивлением:

— Потому что время другое! Какое время, такие и люди. Человек под своё время приспосабливается. — Не всегда же, — стояла я на своём.

— Да всегда. Вот хоть отец твой. Думаешь, он такой честный был? Я уж молчу, как он со мной поступил... А с завода-то он всё время детали подворовывал.

— Зачем?—не понимала я.

Мама вздохнула.

— Радиодетали все делались на одном конвейере, но разного качества были. Самые лучшие—звёздочкой помечали, они на военные заводы шли, на оборонку. Чуть похуже детали—на гражданские заводы. А уж самого плохого качества—в ремонт и в магазины радиодеталей. Папаша твой резисторы со звёздочкой таскал и потом людям технику ремонтировал.

Ощущая в груди болезненное чувство, я спросила:

— А почему он не подрабатывал в официальном ремонте? Такой же был, ты сама сказала.

Мама начала раздражаться:

— Почему, почему! Говорю тебе—в службу быта самые негодные детали шли! Там ещё и система такая была, что отдашь телевизор в эту службу, а тебе его вернут через три месяца или полгода, да ещё не факт, что этот же самый. Вот папаша твой и промышлял... Предлагал людям свои услуги, качественные детали им ставил—техника долго работала. Они, конечно, платили. Копеечку в дом приносил как-никак.

На мои глаза наворачивались слёзы. Всю свою недолгую жизнь я лелеяла тайное убеждение, что мой отец, который так безвременно пропал, был в чём-то лучше всех других окружавших меня взрослых (кроме, пожалуй, тёти Томи). Теперь же выяснялось, что он был таким же, как все,—в худшем смысле.

Проглотив подступивший к горлу комок, я сказала:

— Он не должен был этого делать.

— Почему?—спросила теперь уже мама.—Многие так делали, кто на нужном месте устроен. Ремонт плохо работал, а телевизоры ломались. Хоть я про этого фрукта, папашу твоего, мало хороших слов могу сказать, но тут-то он даже пользу приносил. И нам копейка, и людям помощь. А если кто и виноват, так это кто службу быта организовывал. Туда народ вообще боялся соваться. Очередь ждёшь-ждёшь—и потом неизвестно что на выходе получишь. Ой, как мы устали в своё время от этих очередей! Сейчас красота: пришёл в «Рамстор», в «Красный Яр»—и набирай себе чего хочешь. Деньги бы ещё были...

Я отошла от мамы, села за уроки. Решив задачу по физике, я собиралась взяться за сочинение, но не могла написать больше нескольких слов. Меня тянуло из дома на улицу. Я отпросилась гулять. — Долго не ходи. Сахару купи,—напутствовала мама.

Весна была тёплая. Некоторое время я просто стояла возле подъезда, вдыхая запах влажной от дождя земли, через которую петельками пробивались ростки будущих цветов. Потом ноги сами понесли меня к парку, а оттуда—к корпусам теперь уже бывшего телевизионного завода. По одну сторону улицы тянулся огромный транспарант

с рекламой молочных продуктов одной известной компании. По другую разверстыми ртами зияли двери магазинчиков, складов, автомоек. Я прошла мимо продуктовой базы, где мы с мамой перед Новым годом всегда покупали мороженую горбушу. Мама придиричиво спрашивала у продавца: с икрой рыба или нет?

Хорошо бы поймать такую рыбу, которая... нет, не желания исполняла — не надо исполнять все желания, — а лучше давала бы ответы на вопросы. Как у Пушкина: «Приплыла к нему рыбка, спросила: чего тебе надобно, старче?» Скажешь ей, чего надобно, а она тебе ответит, как жить...

Нежилая улица кончалась заброшенным зданием, возле которого кто-то прикрепил табличку «Осторожно!», однако чего именно надо бояться, так и не пояснил.

В окнах этого пятиэтажного здания были разбиты стёкла, кое-где парусили на ветру доскуты какой-то материи. Сквозь оконные проёмы виднелись очертания станков или машин. Я приблизилась к разрушенному заводскому корпусу на несколько метров, но подойти вплотную побоялась: земля вокруг была усыпана осколками стекла, ржавыми железками, обрывками картона, и мне подумалось, что среди ворохов этого мусора могут водиться крысы.

Я на минутку попыталась представить, что когда-то, ещё четырнадцать лет назад, тут кипела рабочая жизнь, крутились колёса, вращались шестерёнки, стучали молотки... Я прекрасно понимала, что на настоящем заводе производство должно выглядеть как-то по-другому, мощнее, масштабнее, но перед глазами мелькали только картинки из учебника истории про средневековье.

Хорошо бы достать какой-нибудь волшебный предмет, чтобы он открыл здесь портал, и тогда бы я перешла в прошлое. Переместилась на четырнадцать лет назад, когда я ещё только родилась или даже только должна была родиться, когда тут работал мой отец и вообще у всех была работа, когда никто, наверно, и подумать не мог, что дети будут мечтать стать бандитами.

Хотя, оказывается, и тогда не было никакого рая, если люди уже воровали резисторы. Вместо рая были только колбаса, пускай даже из мяса, да масло, пусть даже из настоящего молока... Потом вот ещё «Доширак». Да что там — рая не было даже в Древней Греции... Так где бы мне отыскать такой мир, чтобы все были счастливы, каждый бы делал для других всё что мог, никому не завидовал и не пытался ухватить лишнее? Наколдовать? Отыскать портал в будущее?

Я огляделась кругом в поисках волшебного предмета. Большая пружина, банка из-под колы, кусок кирпича — ничего подходящего на эту роль. В сумке у меня лежали маленькие жёлтые ножницы. Я пощёлкала ими в воздухе, будто стараясь

разрезать пространство, и, вздохнув, убрала обратно.

Вместо ножниц я достала общую тетрадь, в которой вела свой дневник, и, устроившись на какой-то проржавленной металлической тумбе, села писать сочинение...

На лице Татьяны Петровны заранее было написано довольство и предвкушение чего-то жареного. — Садимся, садимся. Юмашев, чего ты стоишь и смотришь на меня? Я и так знаю, что красивая. Сели все. Сегодня я буду читать ваши размышления насчёт прошлого и будущего. Естественно, вслух. Иначе как это всё можно будет обсудить? Фамилию называть не буду. Может, сами догадаетесь. Если что, напоминаю: каждый имеет право на свою точку зрения. Я очень надеюсь, что она у вас есть, что к пятнадцати годам вы накопили немного серого вещества и можете связать несколько слов в предложение. А если кто-то оказался неспособен к данной мыслительной операции, если кто-то, — Татьяна Петровна выразительно посмотрела на Настю Бесменову, — всё списал из умной книжки типа «Сто эссе для бестолковых старшеклассников», тому «два» — и никаких разговоров.

Послышались смешки. Все стали устраиваться поудобнее, как перед спектаклем, и Петровна сняла сверху первую тетрадь. Открыв последние испи-санные страницы, она стала читать без запинки: — «Каждый человек хорошо должен представлять своё будущее. Если мы не умеем ставить перед собой цели, то мы ничего не достигнем, а будем просто плыть по течению. Кому-то в жизни повезло больше, кому-то меньше. Например, если человек родился в пьющей или просто бедной семье или у него плохое здоровье, тогда нужна сила воли, упорство, чтобы достичь успеха в жизни. А если этого нет, придётся остаться в тени. И я не считаю это несправедливым. Это неправда, что все равны. Так говорили в СССР, но он распался, и неспроста. Люди сами были готовы на всё, чтобы разрушить уравниловку, которая их уничтожала. Сегодняшняя рыночная система даёт больше возможностей для развития».

«Озерков, что ли? — подумала я. — Нет, сильно уж грамотно пишет. Не иначе как Вика».

— «Можно сказать, что мне повезло: у меня хороший старт, достаточные материальные условия, чтобы быть успешной. Меня привлекают две специальности — юриспруденция и архитектура. Больше склоняюсь к первому, так как если человек знает законы, то он всегда понимает ситуацию и будет защищённым. Думаю, с хорошим знанием истории, общественнознания, — Татьяна Петровна благодушно усмехнулась, — отличным владением речью, умением убеждать я смогу стать прекрасным адвокатом. Однако я не уверена, что мои таланты будут по достоинству оценены в России.

Я владею не только английским, но и испанским, планирую в старших классах изучать китайский. Поэтому я теоретически смогу переехать в любую часть мира, где будут востребованы качественные специалисты. Россия начала развиваться в девяностые годы, но до уровня европейских стран ей пока ещё далеко. Хотя, возможно, через некоторое время (по моим прогнозам, лет десять, не меньше) здесь также будет интересная и высокооплачиваемая работа. Тогда будет иметь смысл жить именно здесь».

Татьяна Петровна остановилась, но было пока не совсем понятно — закончилось сочинение или нет, пока учительница не дала свой комментарий: — Ну вот, такое высказывание. Запрос большой, остаётся надеяться, что за границей ваши таланты оценят. А то молодых, умных не так уж и мало... — Не беспокойтесь, оценят, — с подчёркнутой вежливостью кивнула Вика, которая и не думала скрывать своё авторство.

Татьяна Петровна выдернула из середины следующую тетрадь и, отпустив шутку по поводу изображённой на обложке группы Slipknot, начала читать:

— «Тема моего сочинения — прошлое и будущее нашей страны и моё. Начнём разговор о прошлом. Долгое время в нашей стране была советская идеология. Когда-то ей искренне верили, потом она стала пустой схемой. Но на общество ещё продолжала влиять. Всех, даже школьников, учили притворяться, что они любят Ленина, все ходили на какие-то собрания. От родителей, деда я знаю, что считалось нормальным, когда личную жизнь какого-то человека разбирали при всех. Для меня это ужасно. Особенно плохо, что под конец уже никто не верил в коммунизм, а должен был делать вид, что верит, чтобы как-то продвинуться по работе. Люди в позднее советское время привыкли лицемерить. Но бесконечно так продолжаться не могло. Народ взбунтовался. Ведь на Западе давно была свобода слова и поведения, а чем хуже мы? И вот через несколько лет появились мы, новое поколение, которое говорит прямо, что думает. Над нами никогда не было партии, которая бы вмешивалась в личную жизнь. Для нас никогда не было авторитетов...» Чё, совсем?! — с притворным ужасом перебила сама себя Татьяна Петровна. — Вообще не было?

— Продолжайте! — нетерпеливо попросили её. — «И если честно, мы не полагаемся на старших и не особо доверяем им. Мы привыкли с детских лет, что в этом мире каждый отвечает за себя сам. Лично я очень даже привык справляться с трудностями. До моих одиннадцати лет мы жили в частном доме без удобств. Мои родители сидели месяцами без зарплаты и при этом продолжали что-то ждать от государства, не понимая, что их кинули. А я понял это сразу и уже в третьем классе

нанялся колоть дрова и получил первые деньги. И отец зауважал меня, потому что я кое-что зарабатывал. Я стал понимать: о своих надо заботиться. Семья, друзья — это святое. Мои деньги были нужны дома. Мы часто питались всякой ерундой, пеки лепёшки...»

«Кто это написал?» — тревожно размышляла я. В голове вспыхнули сразу три догадки, но лучше всего под описание подходила одна из них.

— «Отец учил меня, что надо стиснуть зубы и терпеть. Но я считаю, что не всегда. Надо проталкиваться самому и брать от жизни всё, что можешь. Потому что жизнь такая, что надеяться особо не на кого. Жить в нашей стране как-то небезопасно: то аварии, то теракты. Неизвестно, что будет завтра, поэтому надо жить сегодня. Главное — не теряться. Я не знаю точно, кем буду, но своего добьюсь. В шестом-седьмом классе я, возможно, был чересчур жестоким с некоторыми одноклассниками и извиняюсь за это. Сейчас стараюсь вести себя спокойно, но реально уважаю только сильных людей. Потому что только такие могут на самом деле чего-то добиться».

— Стёпа... — еле слышно прошептала я, не заметив, как впервые назвала Озеркова по имени.

Я посмотрела в его сторону. Он положил круглую стриженую голову на руки, будто и не слыша то, что читает Петровна. Несколько секунд я смотрела на него с сочувствием: раньше мне никогда не приходило в голову, что его семья пережила такую же нищету, как мы с матерью. Он приподнял голову, зажмурил глаза и потёр их кулаками, и в этом детском жесте мне увиделось что-то трогательное. Я подумала, что в глубине души он вовсе не был таким сильным, каким всегда хотел казаться. Ядовитая ирония, бесконечные шпыняния одноклассников, показное высокомерие нужны были ему скорее как защита от жестокости этого мира, каждый день дававшего примеры отчуждения и предательства. Но эта защитная шкура прирастала к нему всё сильнее.

Во время моих размышлений Татьяна Петровна отпустила какие-то шуточные комментарии, ответила на пару чьих-то вопросов. Меня стал раздражать её неуместный юмор, и, когда она взяла из пачки очередную тетрадь, я вся превратилась в слух, ожидая новых открытий от кого-то из людей, с которыми провела бок о бок девять школьных лет. Следующая работа опять начиналась с банальной фразы:

— «Тема моего сочинения — прошлое и будущее моей страны и моё. О прошлом мне трудно судить, в нём было и хорошее, и плохое. Мои бабушка и бабушка, родители получили образование, работали на достаточно хорошей работе, получили квартиру. Но я не уверена, что они были счастливы. Например, нельзя было выезжать за границу. С нормальной одеждой и обувью тоже была

проблема, а под конец — даже с едой. В девяностые годы наша страна стала другой, свободной. Стало можно выезжать за границу, открылось много магазинов, супермаркетов. Появились новые специальности, места в вузах. Сейчас столько возможностей, что трудно представить, что всего этого когда-то не было. Я не могу даже представить, что в советское время не было, например, такой простой вещи, как джинсы. Оружие выпускали в больших масштабах, но зачем, если у людей не было элементарного? Нечему удивляться, что народ завидовал Америке. Но сейчас наша страна тоже стала развиваться. Даже если посмотреть на наш город, то, кроме серых заводов, появились красивые здания, новые районы. Стало намного лучше...»

«Ага, зато серые заводы позакрывались, и работы не стало», — скептически подумала я.

— «Я считаю, предыдущие поколения не позволяли себе радости жизни, всё время думали о партии, о стране. А мы, дети девяностых, хотим наслаждаться жизнью. Сейчас люди ездят в Таиланд, во Вьетнам, в Китай... Моя мечта — побывать в Марокко».

Услышав про Марокко, я с изумлением осознала, что сочинение написала Дашка. С прошлого года она «подседа» на латиноамериканский сериал «Клон» — действие в нём происходило как раз в этой африканской мусульманской стране — и была без ума от главной героини Жади, которой пришлось переехать из Бразилии в Марокко.

— «Профессию я пока не выбрала. Хотя мне нравится журналистика. Но, в принципе, для девушки профессия не главное, а главное — удачное замужество. Чтобы можно было не думать о завтрашнем дне, знать, что ты и дети всем обеспечены, жить в достатке. Например, в мусульманских традициях муж всегда заботится о семье...»

Петровна с сомнением покачала головой: — Заботиться-то, может, и заботится, да за это в клетку запирает.

«Вот именно», — мысленно согласилась я и продолжила удивлённо смотреть на Дашку. Вот это да! Дружили, дружили несколько лет, да так и остались как с разных планет. Тьфу ты, стихами тут заговоришь...

Татьяна Петровна прочитала сочинение какой-то девочки, которая описывала, как хочет стать ветеринаром. Это желание почему-то было осмеяно, и я, не выдержав, вступилась за неопознанную мной одноклассницу:

— А что вы ржёте? Собак, кошек вон небось все держите! А кто их лечить будет, не думали?!

От моей неслыханной дерзости класс на несколько секунд притих. Ко мне развернулось несколько человек. Диана кинула на меня быстрый презрительный взгляд, Вовка посмотрел с уважительным удивлением, Котляренко прыснул

смешком. А Настя Бесменова, приёмная дочь банкира, поглядела с теплом и благодарностью. — Да чё вы тут, понимаешь, расслабились? Ну-ка ша! Тут у нас строго всё! Урок! — иронически пригрозила Татьяна Петровна. — Продолжаем наш сеанс. Итак, дамы и господа, следующий номер...

Учительница вытряхнула из стопки потрёпанную тетрадь с покемоном Пикачу на обложке, небрежно перелистнула несколько страниц и важно прочитала заголовок:

— «Сочинение по обществознанию».

В классе опять послышались смешки.

— «В теме сочинения нас спрашивают про то, каким было прошлое нашей страны. Имеют в виду Советский Союз. Многие стараются сейчас сказать, что оно было плохим, потому что был дефицит продуктов и всяких вещей. Но мои мама и особенно бабушка сохранили много хороших воспоминаний об этих временах. Самое главное, что я понял, это то, что люди были добрее друг к другу. Не боялись воров и всяких маньяков. У каждого человека была жизнь расписана с рождения. Кому-то это, может, и плохо, а мне нормально. Ты учишься в школе, потом в техане, институте, потом на работу. И всегда знаешь, что тебя ждёт. Никто у тебя твоё не отберёт. Другое дело началось в девяностые. Тут все стали рвать себе кто что мог. Республики стали отделяться. Да и отдельные люди расхватали всё с работы, землю совхозную. Это я знаю по своим знакомым взрослым. Думали, ваучеры получили, часть завода купят и станут миллионерами. Но не всем быть миллионерами, да и ни к чему...» Да ни к чему, конечно! Лучше миллиардерами, — шутливо прокомментировала Татьяна Петровна. — Кхм. Дальше... «Обычному человеку подходит простая жизнь. Чтобы в ней были друзья, семья, работа. Заниматься бизнесом подходит не всем, и лично меня это не привлекает. Свою будущую работу я уже выбрал. И, в принципе, представляю, как жить. Когда я был маленьким, вокруг было сильно небезопасно. Прямо под нашими окнами я несколько раз видел перестрелки. Сейчас стало поспокойней, и я надеюсь, что так и будет. Лишь бы там, наверху, поделили власть по-тихому. А мы, большинство людей, простые, всё равно не можем повлиять ни на что. Я вообще считаю: зачем ходить на выборы, если кого надо выберут и без нас?»

Татьяна Петровна хлопнула себя рукой по бедру. — Вот до чего договорились! А мы тут изучали-изучали выборы на уроках... «Обычные люди, по сути, ни за что отвечать не могут. Даже за то, что у них на работе происходит. А уж тем более в городе или там в стране. Так что, в принципе, остаётся надеяться на лучшее и жить простыми радостями».

Хотя автор призывал в сочинении не грустить, мне сделалось печально.

«Володя, Володя,— сокрушалась я про себя.— Ну как же ты говоришь, что мы ни на что не можем влиять? А как же люди спасают жизни в больницах, сами восстанавливают разрушенные дома, народ организуют на митинги?... Да вон хотя бы недавно показывали по телеку, как добровольцы очистили от мусора берега Качи... Эх, Вовка! Не помнишь разве, как во втором классе мы собирались рисовать и раздавать деньги всем, кому задолжали зарплату? Глупость детская, но нам хотелось что-то сделать для родной страны! Не всё же нам только жрать „Доширак“ и пить „Зуко“...»

Я уже не хотела слушать ничьи размышления и гадала, скоро ли будет звонок. Но тут Татьяна Петровна раскрыла очередную тетрадь, в которой я с упавшим сердцем признала собственную.

— О-о, сколько тут текста, однако! — воскликнула учительница. — Столько написать — это только Елена может, она у нас примерно-таки романист.

Я со вздохом сползла со стула. Спасибо вам, Татьяна Петровна, нечего сказать... Ну что ж, читайте — пусть все знают, что я думаю. В конце концов, не этого ли я в глубине души и хотела?..

Мои размышления, произнесённые вслух учительницей истории, казались мне отчасти чужими, как будто были созданы какой-то другою мной или лучшей, разумнейшей частью меня. Но наряду с этим отчуждением я испытывала чувство некоего нетерпения: хотелось, чтобы прочитано было всё, и как можно скорее.

— «Детство — это прошлое любого человека. Годы, в которые ты рос, всегда накладывают на тебя отпечаток. Моё взросление пришлось на девяностые годы, последние годы двадцатого века. Как любой закат, они были очень яркими. Если художник какого-нибудь модного журнала задумает изобразить их в картинках, ему будет можно нарисовать шоколадные батончики и газировку „Dr Pepper“, кислотные лосины и джинсовые куртки, рекламу сериалов „Твин Пикс“ и „Секретные материалы“. В девяностые у взрослых и детей появилось много развлечений: от цветных фишек и „Денди“ до компьютерных клубов. По телевизору и видеку мы смотрели множество фильмов. Казалось бы, какое весёлое время! Но все эти „Титаники“ и телешоу, мне кажется, просто отвлекали наше внимание от настоящей драмы — распада страны. Потихоньку уничтожалось то, что создавали поколения людей. Дико росли цены. Разбирали на металлолом оборудование для производства электроники. Поля, где рос хлеб, зарастали лебедей. А чтобы мы не слишком уж много обращали на это внимание, в страну завезли вжачку, джинсы, ликёр „Амаретто“, спирт „Роял“, баварское пиво...» Да, автор-то знает толк в напитках! — съязвила Татьяна Петровна. — «Яркие журналы и плакаты, кассеты. Стала внушаться идея, что главное — это красивая жизнь. Научные

сотрудники стали челночниками, спекулянтами турецким тряпьем, фенами, чайниками. Понемножку все стали думать, что так вроде и надо. Например, моя тётя была учителем математики, а стала шить на дому и продавать кастрюли „Цептер“. Она зарабатывает приемлемо, но сейчас уже говорит, что устала, пошла бы обратно в школу или техникум. Не все интересы человека укладываются в материальное. А нам уже двадцать лет или, может, больше навязывали, что счастье — в деньгах, полученных не важно каким способом».

Татьяна Петровна замолчала.

— Больше. Больше, чем двадцать, — сказала она скорее самой себе и продолжала: — «Сейчас во дворах, на улицах становится спокойней. Новые русские с цепями и в малиновых пиджаках уже стали скорее легендой. И гопники в больших кепках уже не герои, а смешные персонажи. Над девяностыми уже шутят юмористы, как будто они прошли. Но мне кажется, они пока что никуда не делись, только стали чуть с виду гламурнее. Потому что мы друг другу до сих пор не товарищи, а конкуренты. Правда, я не могу сказать, где идеал, к которому стремиться. В прошлом или всё-таки в будущем?! В прошлом было хорошее, которое мне хотелось бы, наверное, вернуть. Почти все взрослые, кого я знаю, трудились на заводах. При этом они не пахали с утра до вечера, как людям приходится сейчас. Они могли отдохнуть и на неделе, и летом, и организовать отьды для своих детей. Наверное, они чувствовали себя нужными обществу. По крайней мере те, кто в принципе задумывался о таких вещах. И вот всё это пропало. Кто же виноват? Советская власть, которая была тогда, — это понятно. Виноваты те, кто воспользовался, что обычные люди мало что понимают, организовал всякие „МММ“ и „Хопёры“, скупил ваучеры у народа и стал владеть заводами, землёй, железными дорогами».

Татьяна Петровна остановилась, как будто желая что-то сказать, но только несколько раз согнула и разогнула листы моей тетради. В классе было тихо.

— Так... Где мы остановились? «Но в чём-то была вина и обычных людей. Ведь все поверили сказкам о счастливой западной жизни. Пошли, как дети за дудкой крысолова. Как эгоистичные, капризные дети. Когда разворовывали те же заводы, работники тоже утаскивали с них что могли. Воровали шпалы, чтобы из них на даче сделать теплицы. Покупали ваучеры, думая, что станут богатыми буратинами, будут кататься на вишнёвой „девятке“ и носить часы Casio. Люди не понимали, что творится в верхах, и с радостью приветствовали всех, кто им что-то обещал. Народ был страшно наивным и думал, что стоит только выбрать „настоящего“, „народного“ лидера — и наступит рай. Но жестоко ошиблись...»

Татьяна Петровна вздохнула.
— «А сейчас многие ушли, наоборот, в другую крайность: не верят вообще никому и ничему, как, например, моя мама. И считают, что надо тихо-мирно ходить на работу и никого не трогать. Но я уверена, что даже обычный человек может сделать многое. И даже должен это сделать. Иногда молчать нельзя, молчание может быть тихим предательством. Чем больше человек понимает в происходящем, тем больше на нём ответственности. Очень важно не упускать каждый момент, когда ты можешь что-то изменить. Надо изучать историю и ещё много чего, но не менее важно быть готовым действовать. Нам, детям девяностых, предстоит много сделать. Я ещё думаю, кем мне стать, чтобы раскрыть себя и принести людям пользу. Может быть, учителем, а может, экологом, потому что природа у нас тоже в опасности. Или даже писателем. В любом случае я ощущаю на себе большую ответственность. Моя бабушка и её девять братьев и сестёр едва умели писать и читать, а я хочу прожить жизнь с максимально полным осознанием всего, что происходит. Пусть даже и правдой окажутся слова мудреца: „Умножающий знание умножает печаль“».

Учительница прекратила читать. Несколько долгих секунд все молчали, пока Богданов не решился спросить:

— Это всё?

— Всё,— кивнула Татьяна Петровна.

— Ни фиги себе,— ответил он.

Повисла пауза. Во мне больше не рождалось никаких мыслей, только сама собой всплывала фраза из «Секретных материалов»: «All lies lead to the truth» — «Вся ложь ведёт к истине».

Наконец учительница спросила:

— Теперь давайте обсуждать?

Но обсуждения почти не получилось: казалось, все чувствовали себя уже выдохшимися, сказали всё, что могли сказать в свои едва исполнившиеся пятнадцать лет. К тому же мы не доверяли друг другу настолько, чтобы позволить себе настоящий открытый диалог. Татьяна Петровна рассказала пару занятых историй про дефицит и Ельцина, время уже поджимало, и урок закончился банальным, хотя и необходимым призывом быть честным перед самим собой.

Весь май после уроков я уходила в парк бывшего завода телевизоров и, вытащив из сумки хлеб с плавленым сыром и книгу «Ответы на билеты», готовилась к экзаменам. Я сдала математику на «четыре», остальные экзамены — на пятёрки. Впереди оставался только выпускной, который наша классная и родители решили отметить скромно, потому что из всех ребят параллели школу покидали всего лишь несколько человек. Уходила в какой-то престижный лицей Вика Иваницкая—

ей для будущего поступления в Питере нужно было усиленно учить иностранные языки и на всякий случай, если станет архитектором, готовиться к творческому экзамену. Уезжала обратно на Камчатку Оля, посеяв во мне тоску по этой загадочной земле на самом краю света. Но главное— уходил Вовка.

Выпускной нам устроили в просторном кафе за городом, неподалёку от заповедника «Столбы». Мне очень непривычно было видеть на Вовке, Лёше, Семёне и других мальчишках белые сорочки и пиджаки вместо футболок и свитеров с орнаментом. Девочки были ещё наряднее, почти все— с распущенными по плечам локонами, блестящими от лака. Вика была, ко всеобщему удивлению, облачена в брючный костюм, зато Диана оделась как балерина— в блузку с рукавом-фонариком и пышную юбку из розового фатина. Дашку было не узнать из-за обильного макияжа и высокой взрослой причёски. Она села за столом рядом со своей матерью, которая, в отличие от большинства родителей, никуда не уехала, а осталась в кафе, явно намереваясь отлично провести праздничный вечер рядом с дочкой. И меня, и Дашку с её мамой привезла на машине председательница родительского комитета. Она собиралась прихватить и мою родительницу, но та смущённо отказалась: — Куда уж мне в калашный ряд?.. У меня и одежды-то приличной нет. Езжайте сами.

Меня тётя Люба нарядила в симпатичное платье из чёрного бархата, а мои длинные волосы уложила в два высоких пучка по бокам головы. Было прохладно, и я набросила на плечи полупрозрачный платок, украшенный золотыми звёздами.

— Как ты выросла, Ленка,— в виде комплимента заметил проходящий мимо Богданов.

Я вздохнула и захотела спозлти под стол: высокий рост совсем не радовал меня, и я часто завидовала Дашке, остановившейся на средних ста шестидесяти семи сантиметрах. Во мне же было ровно на десять сантиметров больше, и Вовка так и не смог догнать меня в росте, хотя, конечно, стал за последний год выглядеть намного взрослее. — Ты всегда была такая,— сказал Володя.

Не совсем поняв, что он имел в виду, я поспешила спросить:

— Как там твой?

— Отец с тёткой квартиру разменивают. Ему «однушка», и ей «однушка». Всё поделили. Бизнес они тоже с напарником поделили. Шаурмячную вроде собирается открывать.

— Пойдёшь потом работать к нему?— попыталась пошутить я.

— Да щас!— вспылил Вовка.— Он сам по себе, я сам по себе.

Мы, казалось, надолго замолчали. Одноклассники начали понемногу разбредаться из кафешки, выходили подышать чистым лесным воздухом

на мостик, перекинутый через мелкую речушку. В открытую дверь лился золотой вечерний свет. На грубых деревянных столах, выполненных под старину, оставались недопитые бокалы, остатки салатных листьев и ветчины, откусанные и целые бутерброды с паштетом, ягоды черешни, ломтики груши. Классная и родители уже пару раз проходили по столам, предлагая доесть угощения, но все уже достаточно насытились богатым ужином и вежливо отказывались.

— Видела бы моя бабушка, какой тут пир нам устроили, — проговорил Вовка.

— И моя, — машинально добавила я.

Мы встретились взглядами и долго смотрели друг на друга. В приглушённом свете кафе Вовкины глаза казались тёмными и бездонными, а кожа — смуглой. Он вырос в широкоплечего стройного парня и всё-таки был очень похож на того веснушчатого мальчика, с которым меня впервые посадила за одну парту Раиса Ивановна. Шрам от обиды почти зажил в моей душе: я уже давно стала думать, что Вовка, в сущности, чем-то похож на мою маму — просто подчиняется обстоятельствам. Разве это так плохо? Это не преступление, но...

— Ты красивая, — сказал мне Вовка, беря мою руку в свою.

Я вспыхнула от этих слов и, стараясь скрыть волнение, усмехнулась:

— Как Вероника Кастро?

— Почему? Просто...

В ушах у меня стоял шум, заглушавший плывущую по кафешке музыку из караоке. Вовка смотрел на меня внимательно и как будто вопросительно, а я одновременно хотела сказать ему очень многое и в то же время не желала говорить вообще ничего. Мою дилемму решил внезапно появившийся Стружкин, который бесцеремонно уселся между нами с куском чего-то съестного в руке.

— Чё сидим? — хлопнул он Вовку по плечу. — Пошли прошвырнёмся.

Мы вышли на приятно шуршащую гравием загородную дорогу. Чем дальше мы отходили от кафе, тем сильнее чувствовались запахи леса: нагретой за день сосновой смолы, свежей речной влаги и лёгкий сладковато-мятный аромат трав. Солнце ещё не село, высокое небо с лёгкими опаловыми облаками было такого нежного приглушённо-василькового цвета, какой бывает только в начале лета. Бревенчатое здание кафе на расстоянии казалось избушкой лесника, поставленной на опушке перед приветливым сосновым бором. На стены кафешки и кусты розового шиповника ложились мягкие золотые блики. Снизу слышалось тихое воркование речки. Всё вокруг сияло, расцветало, манило к себе, и всё же в этом добром пейзаже сквозила какая-то тайная грусть: казалось, вокруг так хорошо, что это не может быть надолго.

— Документы когда в техан подашь? — спросил Вовку Стружкин.

— Скоро... Что там — аттестат да заявление.

— Какая специальность? Техник-технолог?

— Нет, повар-кондитер...

Хотя я слышала, что Вовка собирается уходить, уже несколько раз, но только теперь в полной мере осознала, что это в самом деле произойдёт. Слезы сами собой навернулись у меня на глаза. Я не хотела, чтобы мальчишки заметили их, но Семён со всей его чуткостью воскликнул:

— О, у тебя тушь потекла!

Вовка остановился напротив меня:

— Ты чего это?

Не выдержав, я заплакала и сквозь слёзы проговорила:

— Жалко, что ты уходишь...

Володя растерянно затоптался вокруг меня:

— Так и мне жалко... Но что делать? Что мне тут торчать ещё два года зря? Только Петровне на смех. Опять будет прикалываться: «Шевырёв, а как звали последнего царя? А кто дочка Петра?» Разве, блин, всё запомнишь?! А она издевается. Лучше буду профессию получать...

— Так Петровна-то — дочка Петра! Это она ж про себя! — заржал Семён, но, видно, заметив, что мы серьёзны, умолк.

Мы прошли немного дальше в лес. Я уже перестала плакать, но чувствовала, как у меня дрожат губы.

— Может, и мне уйти сейчас, после девятого? — спросила я Вовку как можно спокойнее. — Повар — хорошая профессия... Научусь готовить.

— Нет! Ты что! — тревожно возразил Вовка. — Тебе надо учиться дальше. Это мы с Сэмом пойдём.

— Мы пойдём! Я автомехаником буду — согласился Стружкин и забормотал ерунду: — Куда идём мы с Пятачком? На мясокомбинат! Ты ложку взял, ты вилку взял? Нет? Тогда иди назад!..

— Весёлые вы, — вздохнула я.

— А чё нам плакать? Это Котляренко пускай плачет. У них какие-то наркоманы хату взломали, комп, телек, видик — всё унесли! А так и надо ему, это ему за то, что деньги во втором или каком там классе у тебя спёр.

От удивления я остановилась и решительно развернула к себе болтливого Стружкина за плечи: — Что ты говоришь? А откуда ты знаешь?

Сообразив, что сморозил что-то не то, Семён замолчал. Вовка стоял потупившись. Горестная догадка пронеслась у меня в голове:

— Так вы знали!

Вовка поёжился, будто от холода:

— Да он сказал спустя неделю уже... Ну чё было тебя расстраивать? Всё равно было уже нельзя ничего сделать.

Мы вернулись в кафешку. Там уже убрали остатки ужина и посуду, сняли облитую красными

и жёлтыми пятнами скатерть, и обстановка со скамьями без спинок и грубо сколоченными столами, вязаными ковриками на полу стала ещё больше напоминать лесную сторожку. С этой подчёркнутой простотой сильно контрастировали автомобили, один за другим шумно подъезжавшие к месту нашего празднования.

— Постой,— сказал мне Вовка.— У меня есть для тебя подарок.

Из обыкновенного целлофанового пакета он вытащил большое жёлтое яблоко и пенал-косметичку, на котором были нарисованы мальчик, играющий на пианино, и поющая рядом девочка с розой в волосах.

— Красиво... Где ты это взял?— я опять готова была расплакаться, уже сама не понимая отчего.

— Спасибо тебе,— сказал Вовка.

— За что?— не поняла я.

— Не знаю. За детство...

Эпилог

Володя поступил в техникум и благополучно закончил его через два с половиной года. Общались мы мало, созванивались по домашнему телефону (первый мобильник появился у меня только в восемнадцать лет), довольно скупно сообщали друг другу о новостях и поздравляли с праздниками. В девятнадцать лет Вовку забрали в армию, где он был поваром. Я обрадовалась тому, что он добровольно пошёл служить, так сильно, будто в этом была какая-то моя заслуга. После его возвращения из армии мы совсем перестали общаться, и через всеведущую председательницу родительского комитета я узнала, что Вовка—верней, уже Владимир— женился и переехал в другой город. Несколько раз я хотела найти его профиль в соцсетях, но так и не сделала этого, и он навечно остался для меня юным, как Питер Пэн, книгу о котором я когда-то читала ему вслух на продлёнке.

Стёпа Озерков, окрепнув и похорошев, стал купаться в девичьем внимании. Когда он подъезжал к школе на скутере Honda Fit, его неизменно встречали поклонницы. На него положила глаз моя приятельница Даша: впрямую она ничего не говорила, но по взглядам, неизменно бросаемым ею на римский профиль Степана и его шикарную кожаную куртку, я обо всём догадывалась. Озерков метался между Дианой, которая после ухода Вики Иваницкой стала в нашем классе признанной королевой, и простой девочкой Наташей, которая переделала для парня своей мечты строчки из песни «Мумий Тролля»:

А мой мальчик далеко,

Живёт он в Роще.

Пьёт других девчонок сок,

А ведь мой проще.

Эти строки Наташа написала прямо на доске и своей искренностью подкупила суровое сердце Озеркова, который и в самом деле раньше проживал в Зелёной Роще. Впрочем, ему было чем заняться и кроме девочек: он подался во власть— сначала стал депутатом, а потом, в одиннадцатом классе, и президентом всей нашей школы. Вместе со Сбитним и Котляренко он был горячим поклонником сериала «Бригада», который тогда смотрели почти что по всем телевизорам страны и обсуждали на каждой кухне нашего города. Что там кухни— сама Татьяна Петровна не один урок уделяла этому сериалу, в котором были показаны недавно минувшие девяностые. Она сочувствовала героям и даже восхищалась ими, а мне чересчур хорошо была знакома философия «Не я такой, жизнь такая», и оставалось только досадовать, что наше время может породить только героев, подобных Саше Белому.

Тётя Люба совсем забросила продажу кастрюль и устроилась секретарём в железнодорожный институт. Шитьё осталось у неё в качестве подработки и хобби для души. Каждый раз, когда я приходила к ней в гости, она с воодушевлением рассказывала про разработку оборудования для железнодорожных путей, про экспериментальные тормозные колодки, пожарную безопасность в поездах и, главное, про то, каких замечательных, умных людей она каждый день видит на работе. Я общалась с ней всё больше, она давала мне читать самые разные книги— от популярной психологии до романов Жоржи Амаду, в творчество которого мы обе влюбились сразу и безоговорочно.

Тётя Тома нашла синенькую книжку про прощение, и она понравилась ей больше всех трудов Лазарева, Торсунова и Малахова. Прежний авторитет у неё сохранил только Коновалов, и, видя, что я много пишу и читаю, она с наилучшими пожеланиями стала учить меня его суставной гимнастике. У неё родился долгожданный внук, который, придя в едва сознательный возраст, посмотрел «Смешариков» и сказал, что его бабушка похожа на Совунью. Над ним посмеялись, но признали, что действительно некоторое сходство есть.

В цехах бывшего завода телевизоров один за другим открывались торговые павильоны с едой, косметикой, бытовой химией, сотовыми телефонами, музыкальными дисками. Однажды перед Новым годом мы с мамой отправились на распродажу в эти магазинчики, где накупили полотенчиков, мыла, шампуня, стирального порошка, маек, колготок и прочих замечательных вещей. Пакеты оказались довольно тяжёлыми, и мы остановились перевести дух напротив новой остановки, которую я про себя назвала «Торговый портал на Свободном».

Мама поставила тяжёлый пакет на скамейку и некоторое время молча глядела на легкомысленную

бело-розовую вывеску нового магазина, где красовалась надпись «Подарки и скидки!».

— А раньше тут написано было «Слава героическому труду»,— в раздумье сказала родительница.
— Жалко тебе завод?— спросила я.

Мама неопределённо махнула рукой:

— Чему нас девяносто первый год научил? Жалей не жалей, надо будет— всё продадут. Всё за нас решат.
— Всё, да не всё,— возразила я, посмотрев на здание конструкторского бюро «Искра».

Шло время, и уже мои собственные дети стали задавать мне вопросы. Они спрашивали: «Мама, ты воевала?» И я отвечала им, что воевала. На этой земле каждый из нас на войне, каждый сражается против лжи, лицемерия, тщеславия, трусости, которые атакуют не только извне, но и из нашего собственного сердца. Эта война идёт и сейчас, но в девяностые годы битва была особенно жаркой.

Мои дети смотрят мультфильм «Звёздочка против сил зла», а я кажусь себе похожей на героиню— волшебную принцессу из другого измерения.

Вот показывают титры: она идёт уверенным шагом по незнакомой планете, а за ней тянутся всевозможные существа— облако с крыльями, влюблённая улитка с глазами на стебельках, полукоза-полукот, осьминог, похожий на цыплёнка, стреляющие лазером щенки... Но как бы ни был причудлив, странен и даже на первый взгляд страшен облик её спутников, принцесса не пугается их. Никто и ничто на этой планете не посылаётся нам бессмысленно, и если кто-то оказался рядом, значит, так тому и быть.

Она идёт навстречу своему другу, и каждый её шаг по Земле отзывается песней:

Прибыла я сюда издалека,
Но жизнь здесь вроде так прекрасна и легка.
Земля подходит для принцесс,
И я так рада, что я буду здесь
Сражаться с монстрами и находить друзей,
Ведь я принцесса хоть куда, я всех сильнеей.
И это место домом я смогу назвать!